

ДЖОН СКАЛЬЦИ

John W. Campbell
Award

Молодость эфемерна.
Опыт бесценен.

ВОЙНА
СТАРИКА

fanzon

Джон Скальци

Война старика

Серия «Fanzon. Пространство Скальци»

Серия «Война старика», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156114

Война старика: Эксмо, Домино; М; 2022
ISBN 978-5-04-174119-8

Аннотация

Премия John W. Campbell Award.

Лауреат премий Stalker и Geffen.

Финалист премий Locus, Hugo и Seiun.

Джон Перри сделал две вещи в свой 75-й день рождения. Сначала он посетил могилу своей жены. Потом он завербовался в армию.

Есть две новости. Хорошая новость: человечество наконец-то добралось до звезд. И плохая новость: планет, пригодных для жизни, мало, а инопланетных видов, готовых за них сражаться, много. Вдали от Земли война продолжается десятилетиями: жестокая, кровавая, неизменная.

Ответственным за защиту человечества Силам самообороны колоний не нужны молодые люди; им нужны люди, обладающие знаниями и навыками, накопленными за десятилетия жизни.

Джон Перри уверен, что знает, чего ожидать. Но настоящая борьба намного, намного сложнее, чем он может себе представить. И Джон даже не представляет, кем станет.

«Захватывающий, превосходный и оригинальный роман. „Звездный десант” без нравоучений. „Вечная война”, но с сексом получше. Это забавно, это грустно, и это ново». – *Кори Доктороу*

«Скальци уверенно обходит стороной большинство клише военной научной фантастики, создает быстро меняющиеся боевые сцены и уделяет внимание науке, лежащей в основе его посылки». – *San Francisco Chronicle*

«Классика НФ, увиденная с современной точки зрения, – стремительное путешествие по пугающей, враждебной вселенной». – *Роберт Чарльз Уилсон*

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	29
3	53
4	82
5	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Джон Скальци

Война старика

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Риган Эвери, моей первой и самой замечательной
читательнице. И, как всегда, Кристине и Афине.*

Часть первая

1

В семьдесят пятую годовщину со дня моего рождения я сделал две вещи. Посетил могилу жены. А потом вступил в армию.

Первое оказалось менее драматичным событием, чем второе.

Кэти покоится на кладбище Харрис-крик, расположенном в миле от дома, где я живу и где обитала наша семья. Ни она, ни я не рассчитывали на предстоящие похороны и не зарезервировали место заранее. Спорить с распорядителем было смертельно (как раз то самое слово!) унижительно. Дело кончилось тем, что мой сын Чарли, который, так уж получилось, оказался мэром нашего города, пригрозил, что разобьет пару-тройку голов, и все-таки раздобыл участок. В том, что ты отец мэра, есть определенные преимущества.

Итак, могила. Простая и незаметная, с маленькой табличкой вместо памятника. Словно для контраста, Кэти положили рядом с Сандрой Кэйн, которую все и всегда называли Сэнди. Здесь возвышается громадный надгробный камень из отполированного черного гранита с фотографией Сэнди, сделанной еще в те времена, когда она училась в школе. На

передней грани памятника нанесена пескоструйным аппаратом слезливая цитата из Китса насчет смерти, не щадящей молодость и красоту. В этом вся Сэнди – со всеми потрохами. Кэти наверняка немало развлеклась бы, зная она, что Сандра со своим гранитным монументом припарковалась рядом: на протяжении всей жизни Сэнди вела забавное пассивно-агрессивное соперничество с нею. Если Кэти приходила на местную ярмарку домашней выпечки и приносила пирог, Сэнди притаскивала сразу три и не на шутку злилась, когда изделие Кэти продавалось раньше. Возможно, Кэти стоило попробовать решить эту проблему, купив один из пирогов Сэнди. Хотя трудно сказать, к какому это привело бы результату. Не исключено, что, с точки зрения Сандры, это было бы еще хуже.

Мне кажется, что надгробный памятник Сэнди можно считать последним словом в этом диспуте, таким заключительным аргументом, который уже не может быть опровергнут, потому что как-никак Кэти мертва. С другой стороны, я что-то не могу припомнить, чтобы кто-нибудь навещал Сандру Кэйн. Через три месяца после ее смерти Стив Кэйн продал дом и перебрался в Аризону. При этом его физиономию распирала улыбка шириной в автомагистраль № 10. Спустя некоторое время я получил от него открытку; он сошелся с женщиной, которая пятьдесят лет назад была порнозвездой. После получения этой немногословной информации я неделю чувствовал себя грязным. Дети и внуки Сэнди живут в

соседнем городе, но с тем же успехом они могли бы обитать и в Аризоне – судя по тому, насколько редко они бывают на кладбище. Скорее всего, строки из Китса, начертанные на гранитной плите Сэнди, после похорон не читал никто, кроме меня, когда я проходил мимо.

На могильной табличке Кэти написано ее имя – Кэтрин Ребекка Перри, – даты рождения и смерти и слова: «ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАТЬ». Я снова и снова перечитываю их при каждом посещении кладбища. Ничего не могу поделать: эти четыре слова так неполно и притом с такой идеальной точностью подводят итог ее жизни. Эта фраза ничего не скажет вам о ней: о том, как она встречала каждый день, как работала, чем интересовалась, где любила путешествовать. Вы никогда не узнаете, каким был ее любимый цвет, какую прическу она предпочитала, как голосовала на выборах, каким было ее чувство юмора. Вы не узнаете о ней ничего, за исключением того, что она была любима. И это правда. Кэти сочла бы, что этого вполне достаточно.

Я ненавижу визиты сюда. Мне ненавистно то, что женщина, бывшая моей женой на протяжении сорока двух лет, мертва. Что как-то субботним утром на кухне она размешивала в миске тесто для вафель и рассказывала мне о споре, который разгорелся накануне вечером на собрании правления библиотеки, а в следующую минуту уже лежала на полу, дергаясь в конвульсиях, потому что кровоизлияние разрушило мозг. Мне непереносимо, что ее последними слова-

ми были: «Черт побери, куда же я подевала ваниль?..»

Я ненавижу, что сделался одним из тех стариков, которые ходят на кладбище, чтобы побыть со своей умершей женой. Когда я был намного моложе, то не раз спрашивал Кэти, в чем же может быть смысл таких походов. Груда гнилого мяса и костей, которые когда-то были человеком, – это уже вовсе не человек, это всего лишь груда гнилого мяса и костей. Человек уходит на небеса или в ад, становится всем или – ничем. С таким же успехом можно навещать бок говяжьей туши. С годами понимаешь, что все это, конечно, верно. Только не имеет уже никакого значения. Просто у тебя есть то, что есть.

Я и ненавижу кладбище, и благодарен ему одновременно. Мне ужасно не хватает моей жены. Куда легче тосковать по ней на кладбище, где она существует только мертвая, нежели во всех тех местах, где она бывала живой.

Я пробыл там недолго. Ровно столько, чтобы почувствовать, что боль все так же остра, несмотря на почти восемь прошедших лет, и также осознать, что у меня еще много дел, которые нужно делать, а не торчать здесь, как старый никчемный дурак. Я повернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Это был мой последний визит на кладбище, но мне совершенно не хотелось, чтобы Харрис-крик с этой могилой врезались в память. Потому что, как я уже сказал, здесь Кэти существует только мертвая. И, значит, воспоминания об этом месте не имеют никакого значения.

Хотя, если подумать, зачисление в армию тоже не отличалось особым драматизмом.

Мой город слишком мал для того, чтобы иметь собственную вербовочную контору. Поэтому мне пришлось отправиться в Гринвилл, окружной центр. Контора по набору рекрутов занимала небольшое помещение в длинном здании, заполненном магазинами и офисами. По одну сторону располагался вход в казенный винный магазин, а по другую — заведение татуировщика. Если совершить обход этих заведений в неверном порядке, то завтра утром может выясниться, что ты вляпался в более или менее серьезные неприятности.

Внутри контора была еще менее привлекательна, если, конечно, такое возможно. В небольшую комнатку были впихнуты два стола и восемь обшарпанных стульев. Компьютер и принтер, занимавшие тот стол, что побольше, почти скрывали сидящего за ним человека. Маленький столик у стены оказался завален информационными проспектами и старыми номерами «Тайм» и «Ньюсуик». Мы с Кэти побывали здесь десять лет тому назад, но, по-моему, все осталось на прежних местах; изменились лишь даты на журналах. И, похоже, человек за столом тоже был новым. По крайней мере, я не помню, чтобы у предыдущего вербовщика была такая пышная прическа. И такая внушительная грудь.

Вербовщица была занята. Она печатала что-то на компьютере и не потрудилась поднять голову, когда я вошел, лишь побормотала, услышав звук открывающейся двери:

– Подождите, сейчас я вами займусь, – что было, судя по всему, реакцией на звук и служило прекрасным подтверждением павловской теории условных рефлексов.

– Не торопитесь, – ответил я. – Я знаю, что место для меня забронировано.

Эта острота с легким налетом сарказма осталась незамеченной и неоцененной, но все же приятно было ощутить, что я не до конца утратил форму. Я сел перед столом и стал ждать.

– Вы пришли или отправляетесь? – спросила женщина, все так же не глядя на меня.

– Прошу прощения?

– Пришли или отправляетесь? – повторила она. – Пришли, чтобы сделать заявление о намерении вступить в ряды, – раздельно произнесла вербовщица, – или отправляетесь начать службу?

– Ах, так... В таком случае, пожалуй, отправляюсь.

Это наконец заставило ее оторвать взор от экрана и посмотреть на меня сквозь довольно толстые стекла очков.

– Вы – Джон Перри, – сказала она.

– Совершенно верно. Но как вы догадались?

Она снова взглянула на экран компьютера.

– По большей части люди, желающие завербоваться, являются в свой день рождения, несмотря даже на то, что у них есть в запасе еще тридцать дней для выполнения всех формальностей. Сегодня день рождения только у трех человек.

Мэри Вэлори уже позвонила и отказалась подписывать контракт. А на Синтию Смит вы не похожи.

– Очень приятно это услышать.

– И так как вы пришли не для заключения предварительного соглашения, – продолжала она, полностью игнорируя мою вторую попытку сострить, – логично будет предположить, что вы – Джон Перри.

– Я могу быть просто одиноким стариком, заглянувшим к вам наугад, чтобы немного поболтать.

– Таких у нас бывает крайне мало, – ответила женщина. – Они изрядно боятся детишек с демоническими татуировками, которые разместились рядом.

Она наконец отодвинула клавиатуру и обратила все внимание на меня.

– Ну что ж. Будьте добры, покажите какое-нибудь удостоверение личности.

– Но вы ведь уже догадались, кто я такой.

– Мне надо знать наверняка.

В ее словах не было даже малейшего намека на улыбку. Очевидно, необходимость ежедневно иметь дело со старыми болтливыми пердунами выработала в ней привычку всегда оставаться подчеркнуто серьезной.

Я предъявил водительские права, свидетельство о рождении и национальное удостоверение личности. Она достала из ящика стола планшет, подключила его к компьютеру и пододвинула ко мне. Несколько секунд я сидел неподвижно, ожи-

дая окончания сканирования ладони. Женщина тем временем сунула мое удостоверение личности в гнездо, находившееся сбоку на клавиатуре, – несомненно, чтобы сверить показания своего прибора с теми, что были заложены в мою карточку.

– Вы – Джон Перри, – сказала она после долгой паузы.

– Ну, вот мы и вернулись к тому, с чего начали, – заметил я.

И опять она не обратила внимания на шутку.

– Десять лет назад, во время ознакомительной процедуры, предшествовавшей подписанию вами заявления о намерении, вам была предоставлена информация о Силах самообороны колоний и о долге и обязательствах, которые вы примете на себя, вступив в ряды ССК, – продекламировала она.

По ее тону было ясно, что эти слова ей приходится произносить каждый день на протяжении большей части ее профессиональной деятельности.

– В дополнение к этому за истекший период времени вам направлялись материалы, дополненные свежей информацией, предназначенной для того, чтобы напомнить о долге и обязательствах, с которыми вы должны будете согласиться. Нуждаетесь ли вы в дополнительной информации относительно данного пункта или же готовы заявить, что полностью понимаете долг и обязательства, которые намерены возложить на себя? Хочу поставить вас в известность, что вы не подвергнетесь никаким штрафным санкциям в случае, если

запросите наиболее современные материалы или же решите не вступать в ряды ССК в данный момент.

Я вспомнил ознакомительную сессию. Первая часть заключалась в том, что кучка пожилых горожан расположилась на складных стульях в зале Гринвиллского городского клуба, чтобы жевать пончики, запивая их кофе, и слушать аппаратчика ССК, который монотонно рассказывал об истории космических колоний человечества. Затем он раздал присутствовавшим брошюры о жизни военнослужащих ССК. Судя по тощим книжечкам, эта жизнь мало чем отличалась от военного быта в любой другой армии. Задавая вопросы, мы узнали, что он никогда не служил в ССК, а был нанят лишь для проведения таких вот просветительских мероприятий в долине Майами.

Второй частью ознакомительной сессии оказалось краткое медицинское обследование. Явился доктор, который взял у меня кровь, соскоб с внутренней части щеки и сделал сканирование мозга. Очевидно, я был признан годным. С тех пор я ежегодно получал по почте точно такую же брошюру, как та, которую мне дали на первом собеседовании. Начиная со второго экземпляра, я стал их выбрасывать. И с тех пор не раскрыл ни одной.

– Я понимаю, – сказал я.

Она кивнула, достала из ящика несколько листов, ручку и придвинула все это ко мне. Документ содержал ряд пространных параграфов, под каждым из которых было остав-

лено место для подписи. Нечто похожее я подписывал десять лет тому назад, чтобы подтвердить, что я понял, во что влипаю.

– Я сейчас зачитаю вам нижеследующие параграфы, – сказала женщина. – В конце каждого, если вы понимаете и соглашаетесь с тем, что было прочитано, прошу вас подписаться и проставить дату в специально отведенной строчке. Если у вас есть вопросы, будьте любезны задавать их *после* окончания чтения данного пункта. Если в итоге вы чего-то не поймете или с чем-то не согласитесь, не подписывайте документ. Пока все понятно?

– Да, – ответил я.

– Очень хорошо, – констатировала она. – Параграф первый: я, нижеподписавшийся, признаю и отдаю себе полный отчет в том, что я, свободно и по собственной воле, без всякого принуждения, изъявляю желание вступить в ряды Сил самообороны колоний на срок службы не менее двух лет. Помимо этого я понимаю, что срок службы может быть продлен в одностороннем порядке Силами самообороны колоний вплоть до восьми дополнительных лет в случае состояния войны или непосредственной угрозы войны.

Пункт о продлении до десяти лет не явился новостью для меня – я все же раз или два читал присылавшиеся мне брошюры, – но сейчас задумался о том, сколько людей не обратили внимания на эти слова. А из тех, кто обратил, многие ли считали, что им действительно придется состоять на

службе столько лет. Лично я думал на этот счет, что ССК не стали бы упоминать о десяти годах, если бы не были уверены, что такой срок им понадобится. Из-за карантинных законов о колониальных войнах известно очень мало. Но даже из тех крох информации, которые доходят до нас, совершенно ясно, что в космосе сейчас вовсе не мирное время.

Я расписался.

– Параграф второй: я отдаю себе полный отчет в том, что, добровольно предлагая зачислить себя в ряды Сил самообороны колоний, я соглашаюсь иметь дело с оружием и использовать его против врагов Союза колоний, в числе которых могут оказаться и вооруженные силы других представителей человечества. Я обязуюсь на протяжении всего срока службы не отказываться иметь дело с оружием и применять его в соответствии с полученными мною приказами, не ссылаясь на религиозные или моральные соображения с целью уклониться от боевой службы.

Интересно, много ли народу вступают волонтерами в армию, а затем объявляют себя уклонистами и требуют поблажек, ссылаясь на политические или религиозные убеждения? Я расписался.

– Параграф три: я отдаю себе полный отчет и соглашаюсь с тем, что буду добросовестно и незамедлительно выполнять приказы и распоряжения вышестоящих начальников и командиров, как это предусмотрено сводом уставов Сил самообороны колоний.

Я расписался.

– Параграф четыре: я отдаю себе полный отчет в том, что, добровольно вступая в ряды Сил самообороны колоний, я соглашаюсь на любые хирургические и терапевтические операции или процедуры, которые Силы самообороны колоний считают необходимыми для повышения боевой готовности.

Этот пункт был самым главным. Именно из-за него бесчисленное множество семидесятипятилетних стариков, в числе которых сегодня оказался и я, ежегодно ставили свои подписи в этом документе.

Когда-то давным-давно я сказал моему дедушке, что к тому времени, когда я достигну его возраста, откроются возможности продлевать человеческую жизнь до поразительного срока. Он посмеялся надо мной и ответил, что в свое время тоже нисколько не сомневался в этом и тем не менее состарился и одряхлел в положенный срок. А теперь и я тоже сделался стариком. Проблема преклонных лет состоит не в том, что из строя выходит одна треклятая деталь за другой, из строя выходит все вместе, одновременно. Ты не можешь прекратить стареть. Генная терапия, пересадка органов и пластическая хирургия – все это достаточно серьезные оборонительные меры против старости. Но от времени не убежишь. Тебе ставят новое легкое, но вдруг сбой дает сердечный клапан. Ты получаешь новое сердце, а печенька увеличивается, как надувной детский бассейн. Заменишь печень – лопнет сосуд в мозгу. Вот он, козырный туз старости

– ведь люди все еще не научились пересаживать мозги.

Некоторое время назад средняя продолжительность жизни дошла до девяноста лет. Мы прибавили почти двадцать лет к библейскому «трижды по двадцать и еще десяток»¹, и тут Бог, похоже, решил топнуть ногой. Люди способны жить дольше, и довольно часто так и происходит, но, к сожалению, последние годы своей жизни человек все же немощен и болен. Так что здесь ничего не изменилось.

Посудите сами: в двадцать пять, тридцать пять, сорок пять или даже пятьдесят пять лет ты все еще можешь оптимистически расценивать свои шансы в противостоянии с миром. Когда тебе сравняется шестьдесят пять и твое тело начнет ускоренно приближаться к неизбежному физическому крушению, разговоры о таинственных «хирургических и терапевтических операциях или процедурах» уже начинают вызывать известный интерес. А потом ты подходишь к семидесятипятилетнему юбилею. Почти все твои друзья уже мертвы. Тебе заменили по меньшей мере один из главных органов. Четыре раза за ночь приходится вставать, чтобы помочь. Ты не в состоянии подняться по одному-единственному лестничному маршу, не испытав легкого головокружения, – и при всем этом тебе говорят, что вы, мол, находитесь в довольно хорошей форме для вашего возраста!

Возможность обменять такое существование на десять

---

¹ Цитата из 90-го псалма Библии в английском переводе. В русском переводе Библии (89-й псалом) этот оборот отсутствует. (*Здесь и далее – прим. перевод.*)

лет полноценной жизни, пусть даже проходящей в условиях войны, начинает походить на сделку с дьяволом. Особенно стоит учесть, что если ты не согласишься на эту сделку, то через десять лет тебе сравняется восемьдесят пять. И тогда единственное различие между тобой и лежалой изюминой будет заключаться в том, что, хотя вы оба покрыты глубокими морщинами и не имеете простаты, изюмина, в отличие от тебя, простаты никогда и не имела.

Так каким же образом в ССК умеют обращать вспять процесс старения? Никто здесь этого не знает. Земные ученые, несмотря на все старания, не могут понять, как это делается, и добиться подобных результатов. Представители ССК никогда не спускаются на Землю, и поэтому ты лишен возможности побеседовать с ветераном. На планетах лишь набирают новобранцев. Одним словом, как бы там ни было, все медицинские фокусы, которые используют колонисты, изобретены в зонах, контролируемых исключительно властями ССК, вне пределов влияния глобального и национальных правительств. Поэтому никакой помощи от Дяди Сэма или кого-нибудь еще ты в своих поисках не получишь.

Время от времени законодательный орган, президент или какой-нибудь диктатор решает запретить вербовку новобранцев до тех пор, пока Силы самообороны колоний не поделятся своими секретами. Командование ССК никогда не спорит; оно упаковывает имущество своих представительств и освобождает помещения. В один прекрасный день

все семидесятипятилетние жители этой страны отправляются за рубеж в продолжительную турпоездку, из которой так и не возвращаются. ССК не дает никаких объяснений, никаких намеков, никакой почвы для догадок. Если ты хочешь узнать, как они снова делают людей молодыми, ты должен подписать договор.

Я расписался.

– Параграф пятый: я отдаю себе полный отчет в том, что, вступая в ряды Сил самообороны колоний, я прекращаю свое гражданство в качестве субъекта национальной, политической и правовой среды, в данном случае Соединенных Штатов Америки, а также лишаюсь привилегии постоянного обитателя, которая позволяет мне проживать на планете Земля. Я отдаю себе полный отчет в том, что мое гражданство будет впредь передано в общую юрисдикцию Союза колоний и локальную – Сил самообороны колоний. Я далее признаю и отдаю себе полный отчет в том, что, прекращая мое местное гражданство и отказываясь от планетарной привилегии постоянного обитателя, я попадаю под безусловный запрет последующего возвращения на Землю и после завершения моего срока службы в составе Сил самообороны колоний останусь на постоянное жительство в любой колонии, куда буду распределен Союзом колоний и/или Силами самообороны колоний.

Более понятно содержание этого параграфа можно передать одной фразой: ты никогда больше не вернешься домой.

Это ключевой пункт карантинных законов, которые были введены Союзом колоний и ССК под официальным предложением защиты Земли от различных ксенобиологических происшествий наподобие эпидемии болезни Кримпа. В то время все обитатели Земли единодушно поддерживали этот закон. Даже смешно подумать, насколько недалеким становится в массе своей население планеты, когда треть ее мужского населения в течение всего лишь года лишается способности к продолжению рода. Теперь люди относятся к своей изоляции с куда меньшим энтузиазмом: им стало скучно на Земле, они хотят посмотреть, что делается в других частях Вселенной. Бездетный Великий Дядюшка Уолт давно и прочно забыт. Но ни у кого, кроме Союза колоний и ССК, нет космических кораблей со скачковыми приводами, позволяющими осуществлять межзвездные путешествия. Такие вот дела.

Из-за этого соглашение о колонизации какого-то места, на которое тебе укажет Союз колоний, превращается в чистой воды формальность: ты волей-неволей отправляешься туда, куда тебя везут. Будущему колонисту не стоит рассчитывать на то, что ему позволят самому вести звездолет.

Побочным эффектом карантинных законов и монополии на скачковые приводы является практическая невозможность осуществления связи как между Землей и колониями, так и между самими колониями. Единственный способ – пересылка сообщений на судах со скачковым приводом. Хотя ССК не слишком охотно соглашаются на подобные контак-

ты между планетарными правительствами, но других вариантов просто не существует. Вернее, можно установить тарелку радиотелескопа и ждать, пока она перехватит соответствующие сигналы. Но даже до Альфы – ближайшей к Земле колонии – восемьдесят три световых года. Так что обменяться с соседней планетой сплетнями насчет последних событий не так-то просто.

Я никогда не любопытствовал на этот счет, но все же склонен считать, что именно этот параграф заставляет большинство отказываться от своего первоначального намерения. Одно дело решить, что ты снова хочешь стать молодым, и совсем другое – навсегда отвернуться от всего, что ты когда-либо знал, от всех, с кем когда-либо встречался и кого любил, от всего опыта, накопленного на протяжении семи с половиной десятилетий. Попрощаться со всей своей минувшей жизнью – чертовски непростое дело.

Я расписался.

– Параграф шестой и заключительный, – прочитала вербовщица. – Я знаю и отдаю себе полный отчет в том, что через семьдесят два часа после окончательного подписания этого документа или же после моего выезда с Земли посредством транспорта Сил самообороны колоний, независимо от того, что произойдет раньше, я буду считаться умершим, согласно положениям закона на территории всех политических субъектов, с которыми в настоящее время осуществляю юридическое взаимодействие; в данном случае – шта-

та Огайо и Соединенных Штатов Америки. Все без исключения материальные активы, имеющиеся в моей собственности, поступят в распоряжение соответствующих органов, согласно положениям закона. Все обязательства или ответственность перед законом, которые, согласно действующему законодательству, должны быть аннулированы в связи со смертью гражданина, аннулируются. Все предыдущие юридические документы, равно как благоприятного, так и порочащего характера, будут тем самым отменены. Все имеющиеся долговые обязательства будут, согласно закону, списаны. Я знаю и отдаю себе полный отчет в том, что, если я еще не принял должных мер для перераспределения моих активов, то по моему запросу Силы самообороны колоний обеспечат меня юридической и финансовой помощью, которая позволит завершить необходимые процедуры в течение семидесяти двух часов.

Я расписался. Теперь мне осталось жить семьдесят два часа. Фигурально выражаясь.

– Что будет, если я не покину планету в течение семидесяти двух часов? – осведомился я, возвращая бумаги вербовщице.

– Ничего, – ответила она, забирая листочки. – За исключением того, что поскольку вы с юридической точки зрения мертвы и вся ваша собственность будет передана новым владельцам, согласно вашему волеизъявлению, то ваши права на пользование услугами здравоохранения и различные со-

циальные блага будут отменены или переданы наследникам. Как юридический мертвец вы не имеете никакого законного права на защиту со стороны общества от любых посягательств, начиная от клеветы и кончая убийством.

– Получается, что кто-нибудь может запросто подойти и прикончить меня и это не будет иметь никаких юридических последствий?

– Думаю, не так, – сказала женщина, задумавшись на пару секунд. – Если кто-нибудь убьет вас, когда вы будете юридически мертвы, то, полагаю, здесь, в штате Огайо, это может быть расценено как осквернение могилы.

– Восхитительно, – усмехнулся я.

– Однако, – продолжала она до отвращения равнодушным тоном, – обычно до таких крайностей дело не доходит. В любой момент – до истечения семидесяти двух часов – вы можете просто-напросто отменить свое решение о вступлении в армию. Достаточно позвонить мне сюда. Если меня не окажется на месте, назовите автоответчику свое имя. Как только мы удостоверимся, что с просьбой об аннулировании вербовочного документа обратились именно вы, договор будет расторгнут. Только имейте в виду, в таком случае вы навсегда лишаетесь возможности завербоваться. Повторная процедура невозможна.

– Это я тоже понял, – сказал я. – Теперь вы, наверно, должны привести меня к присяге?

– Ничего подобного, – отрезала женщина. – Я должна все-

го лишь обработать эту форму и вручить вам билет.

Она снова склонилась к своему компьютеру, несколько минут печатала, а затем нажала «ВВОД».

– Сейчас компьютер оформляет ваш билет, – пояснила она. – Это займет несколько минут.

– Отлично, – отозвался я. – Вы позволите мне задать вам вопрос?

– Я замужем, – резко бросила она.

– Вообще-то я собирался спросить совсем не об этом. А что, к вам действительно обращаются с такими предложениями?

– Все время, – с ударением заявила она. – Это ужасно раздражает.

– Сочувствую вам, – сказал я.

Она кивнула в ответ.

– Но я собирался спросить, приходилось ли вам когда-нибудь встречаться хоть с кем-нибудь из ССК.

– Вы имеете в виду, кроме новобранцев?

Я кивнул.

– Нет. ССК содержит здесь корпорацию, которая занимается вербовкой, но никто из нас не числится в армии. Я думаю, даже генеральный директор. Мы получаем всю информацию и материалы от сотрудников посольства Союза колоний, а не напрямую из ССК. По всей видимости, они вообще не бывают на поверхности Земли.

– А вас не тревожит, что вы работаете на организацию, с

которой никогда не имели прямого контакта?

– Нет. Работа нормальная, а платят просто на удивление хорошо, особенно если учитывать, как мало денег они тратят на содержание этой лавочки. Но ведь и вы собираетесь вступить в организацию, о которой не знаете ровным счетом ничего. Вас это не тревожит?

– Нет, – признался я. – Я уже стар, моя жена умерла, и я не вижу особых причин оставаться здесь дальше. Вы-то сами намерены записаться, когда придет время?

Женщина пожала плечами:

– Я ничего не имею против старости.

– Я тоже ничего не имел, пока был молод. Эта мысль пришла ко мне вместе со старостью.

Принтер ее компьютера негромко зажужжал, и из него выползла картонка делового вида, похожая на банковскую карточку.

– Вот ваш билет. Он же служит удостоверением личности. Тут написано, что вы Джон Перри, новобранец ССК. Не потеряйте. Ваш шаттл отбывает прямо от этого офиса через три дня. Вас доставят в Дейтонский аэропорт. Отправление в восемь тридцать утра. Мы надеемся, что вы подойдете сюда заранее. Вам разрешат взять только одну не слишком большую сумку, так что постарайтесь тщательно отобрать вещи.

Из Дейтона вы одиннадцатичасовым рейсом вылетите в Чикаго. Там в два часа дня будет пересадка на Найроби. Разница во времени с Найроби составляет девять часов, значит,

вы прилетите туда примерно в полночь по местному времени. Вас встретит представитель ССК, и у вас будет выбор: или двигаться дальше по «бобовому стеблю», который отправляется в два часа ночи, или отдохнуть и отправиться девятичасовым «стеблем». А там вы окажетесь уже в руках ССК.

Я взял билет.

– Что мне делать, если какой-нибудь из этих перелетов задержат или отменят?

– За все пять лет, которые я тут работаю, ни один рейс не задержался хотя бы на минуту.

– Ого! – воскликнул я. – Готов держать пари, что поезда у ССК тоже всегда ходят строго по расписанию.

Она посмотрела на меня ничего не выражающим взглядом.

– Вы знаете, – сознался я, – все время, пока я здесь находился, я пытался как-нибудь сострить.

– Я знаю, – ответила женщина. – К великому сожалению, чувство юмора у меня хирургически ампутировали еще в раннем детстве.

– О... – протянул я.

– Это шутка. – Она поднялась и протянула мне руку.

– О... – повторил я и пожал расслабленную ладонь.

– Поздравляю вас, новобранец, – сказала она. – Желаю вам удачи там, на звездах. Я говорю совершенно искренне, – добавила она.

– Спасибо, – ответил я, – я это ценю.

Женщина кивнула и тут же снова села и уставилась в экран компьютера. Это значило, что я получил разрешение уйти.

Выйдя на улицу, я увидел пожилую женщину, которая пересекала площадку для стоянки машин, направляясь к двери вербовочной конторы.

– Синтия Смит? – спросил я, подходя к ней.

– Да, – удивилась она. – А откуда вы знаете?

– Я только хотел поздравить вас с днем рождения, – сказал я и указал в небо. – Возможно, мы с вами еще встретимся там.

Она улыбнулась, поняв, что я имел в виду. Все же сегодня мне удалось заставить улыбнуться хотя бы одного человека. Дела, похоже, налаживались.

Найроби буквально выдернули из-под нас, и город быстро уходил вниз. Мы поднимались, как на скоростном лифте (которым, собственно говоря, «бобовый стебель» и является), и смотрели на отползающую в сторону Землю.

– Отсюда они похожи на муравьев! – кудахтал рядом со мной Леон Дик. – На черных муравьев!

Я испытывал сильнейшее искушение разнести вдребезги стекло и вышвырнуть Леона наружу. Увы, стекла, которое можно было бы разбить, просто не имелось. То, что выполняло в «бобовом стебле» роль окна, представляло собой тот же самый композитный материал, превосходящий по твердости алмаз, из которого состояла вся платформа. Просто часть ее была сделана прозрачной, чтобы путешественники могли видеть, что происходит внизу. Преимущества этой герметичной платформы мы смогли оценить уже через несколько минут, когда оказались на такой высоте, что трещина в окне вызвала бы взрывную декомпрессию, гипоксию и смерть.

Так что Леону не светило очень быстрое и совершенно неожиданное возвращение в объятия Земли. Очень жаль. Этот жирдяй прилип ко мне в Чикаго, словно толстый клещ, насосавшийся пива и набитый баварскими сардельками. Я был немало изумлен, что человек, кровь которого наполовину состояла из свиного жира, ухитрился прожить семьдесят

пять лет. Значительную часть полета до Найроби он громко пукал и мрачно разъяснял мне свою теорию расового состава колоний. Звуки, которые он издавал своим задом, были самой переносимой частью его монолога. Эх, надеть бы сейчас наушники и спокойно слушать в полете какую-нибудь музыку.

На вид Леон Дик казался одним из тех парней, которые никак не могут обойтись без хорошего отдыха после того, как проведут целый день «под газом». Поэтому в надежде отвязаться от него я решил отправиться из Найроби с первым «бобом». Но я жестоко ошибся. И сейчас мысль о том, что мне придется провести рядом с ним еще шесть часов, слушая дурацкую болтовню и нюхая его бздень, была совершенно невыносимой. Пришлось сказать единственную вещь, которую он все же должен был принять во внимание: мне необходимо пойти облегчиться. Леон невнятно хрюкнул, что, видимо, означало позволение. Я побрел примерно туда, где находились туалетные комнаты, пытаюсь отыскать место, где можно было бы скрыться от Леона.

Это оказалось не так-то легко. Платформа «боба» представляла собой бублик диаметром около ста футов. Дырка его, через которую проходил «бобовый стебель» (вы, конечно, помните детскую сказку о том, как бобовое зернышко проросло на полу бедной лачуги, стебель дорос до неба и хозяин лачуги, забравшись туда, раздобыл неслыханное богатство), имела примерно футов двадцать в поперечнике. Диа-

метр троса был, очевидно, немного меньше: где-то футов восемнадцать, что, если задуматься, явно недостаточно для веревки длиной в несколько тысяч миль. На остальной части пространства размещались удобные кабинки и кушетки, где можно было сидеть и болтать, а также небольшие площадки для просмотра телепередач, еды или игр. Многие участки в стенах оставались прозрачными, позволяя наблюдать уплывавшую вниз Землю, другие тросы «бобового стебля» и колониальную станцию вверху.

В целом платформа очень походила на вестибюль популярной гостиницы экономического класса, вдруг оказавшейся на геостационарной орбите. Единственная проблема состояла в том, что из-за открытой планировки здесь было трудно спрятаться. Этот рейс был не слишком загруженным, так что среди других пассажиров тоже нельзя было укрыться. В конце концов я решил что-нибудь выпить у киоска, расположенного возле центра платформы, примерно напротив того места, где остался Леон. Поскольку прямой видимости здесь не было, то и шансы подольше прятаться от него казались наилучшими.

В физическом плане расставание с Землей оказалось довольно нервным событием – благодаря редкостно неприятному обществу Леона, – зато с эмоциональной стороны все прошло на удивление легко. Еще год назад я твердо решил, что да, я завербуюсь в ССК, и с тех пор мне оставалось лишь делать какие-то необходимые поступки и понемногу

прощаться с окружающими. Десять лет назад мы с Кэти записали нашего сына Чарли совладельцем дома вместе с нами, чтобы он мог вступить в права собственности без всяких формальностей, связанных с рассмотрением и утверждением завещания. Кроме того, у нас не было никакого имущества, представлявшего реальную ценность, – одни только безделушки из числа тех, которые накапливаются едва ли не у каждого человека на протяжении жизни. Большую часть мало-мальски достойных вещей я за минувший год раздал друзьям и родственникам, с остальным придется разбираться Чарли.

Прощание с людьми тоже не было тяжелым. Все реагировали на известие с разной степенью удивления и печали, так как доподлинно знали, что человек, вступивший в Силы самообороны колоний, никогда не вернется назад. Но это вовсе не похоже на смерть. Все знают, что где-то там ты все еще жив. Черт возьми, да ведь не исключено, что через некоторое время они отправятся тем же маршрутом и даже встретятся где-нибудь с тобой. Как мне представляется, эти ощущения похожи на то, что люди испытывали сотни лет назад, когда кто-нибудь из знакомых нагружал фургон и отправлялся на запад. Оставшиеся плакали и горевали, скучали по уехавшим, но потом неизбежно возвращались к своим делам.

Что касается меня, то я начал оповещать знакомых о предстоящем отбытии за год до срока. Год – вполне достаточное время, чтобы сказать все, что считаешь нужным, уладить де-

ла и помириться с кем-нибудь, с кем ты в ссоре. Я посидел со многими старыми друзьями и родственниками, разбередил немало старых ран и болячек, причем почти во всех случаях это окончилось хорошо. Несколько раз я просил прощения за что-то такое, в чем не чувствовал себя особенно виноватым, и даже оказался в постели с одной женщиной, чего при иных обстоятельствах, скорее всего, не случилось бы. Ты просто делаешь то, что должен, чтобы немного приблизить людей к себе; они благодаря этому чувствуют себя лучше, а тебе это ровным счетом ничего не стоит. Я предпочитаю принести извинения за что-нибудь такое, чему всю жизнь не придавал ровно никакого значения, и оставить на Земле еще одного человека, желающего мне добра, чем упрямитесь и добиться лишь того, чтобы кто-то из остающихся радостно представлял себе, как какой-нибудь чужак вышибает мне мозги. Можно назвать это страхованием кармы.

Чарли вызывал у меня наибольшее беспокойство. Как у многих родителей с детьми, у нас имелись свои заморочки: я был не самым внимательным отцом, а он – не самым собранным и целеустремленным сыном. Свою дорогу в жизни он выбрал, когда ему перевалило далеко за тридцать. Впервые узнав о нашем с Кэти намерении вступить в ССК, Чарли прямо-таки взорвался. Он напомнил нам все: как мы учили его, что насилие не может служить ответом ни на что, как мы страстно выступали против Субконтинентальной войны и даже как мы когда-то целый месяц пилили его за то, что

он отправился с Биллом Янгом стрелять по мишеням. (Мы с Кэти считали, что тридцатипятилетний мужчина вполне мог бы и забыть о таком мелком происшествии.)

Наши баталии прекратились со смертью Кэти, так как и он, и я поняли, что большинство вещей, о которых мы спорили, равным счетом ничего не значат. Я был вдовцом, он – холостяком, и у нас не осталось никого, кроме друг друга. Однако вскоре после этого он познакомился с Лайзой и женился на ней, а спустя еще примерно год стал отцом и был вновь избран мэром. Оба события произошли в один и тот же невероятно беспокойный вечер. Чарли поздно созрел, зато плод получился прекрасный. У нас с ним состоялся собственный прощальный ужин, во время которого я попросил прощения за кое-какие вещи, случившиеся в прошлом (искренне), а также сказал ему (столь же искренне), насколько я горжусь тем, что он стал таким, каким стал. Потом мы сидели на крыльце, потягивали пиво, смотрели, как мой внук Адам неловко пинает на газоне теннисный мячик, и долго-долго говорили о всяких пустяках. Мы расстались хорошо и с любовью, а чего же еще хотеть от отношений между отцом и сыном?

Я стоял у киоска с банкой коки в руке, думая о Чарли и его семье, когда услышал ворчание Леона и еще один голос – низкий, резкий и, бесспорно, женский, – говоривший что-то в ответ. Против собственной воли я выглянул. Леон совершенно бесцеремонно притиснул к углу какую-то несчастную

женщину и, вне всякого сомнения, посвящал ее в очередную тупейшую теорию, только что порожденную его спинным мозгом. Рыцарское начало возобладало над желанием скрыться, и я направился к этой паре, чтобы вмешаться.

– Я только хочу сказать, – занудствовал Леон, – что совершенно несправедливо заставлять вас, меня и любого другого американца ждать, пока мы станем старыми, как дерьмо, чтобы получить шанс отправиться туда. А все эти жалкие индусы вылетают в новые миры с такой скоростью, с какой они успевают размножаться. Это чертовски большая скорость. Разве это справедливо? Вы находите это правильным?

– Нет, я так не думаю, – ответила женщина. – Но они, видимо, тоже не считают справедливым то, что мы стерли Нью-Дели и Мумбаи с лица земли.

– Так я же как раз об этом и говорю! – воскликнул Леон. – Мы засыпали атомными бомбами этих безмозглых сволочей! Мы выиграли войну! Должна же победа хоть что-нибудь значить! И что же теперь получается? Мы их раздолбали, но они теперь могут отправляться колонизировать Вселенную, а мы – только завербоваться защищать их! Конечно, простите, что я об этом заговорил, но разве в Библии не сказано прямо: «кроткие унаследуют землю»? Я бы сказал, что те, кто проигрывает войну, должны быть такими кроткими, что дальше некуда.

– Я не думаю, что в этой фразе содержится именно тот смысл, какой вы хотите ей придать, Леон, – произнес я, по-

дойдя поближе.

– Джон! Ну, вот наконец-то человек, который знает, о чем я говорю, – радостно заявил Леон, ослабившись в мою сторону.

Женщина повернулась ко мне.

– Вы знакомы с этим джентльменом? – спросила она, причем по ее голосу было совершенно ясно, что если это правда, то со мной наверняка что-то не так.

– Мы познакомились во время полета до Найроби, – ответил я, слегка приподняв бровь, чтобы подчеркнуть, что во все не по доброй воле выбрал его себе в компаньоны. – Позвольте представиться, Джон Перри.

– Джесси Гонсалес.

– Необыкновенно приятно, – улыбнулся я и повернулся к Леону. – Вы неправильно толкуете это высказывание. Слова, которые вы привели, взяты из Нагорной проповеди. Полностью фраза звучит так: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Наследование земли рассматривается здесь как награда, а не как наказание.

Леон некоторое время моргал, а потом громко фыркнул.

– И все равно, это же мы их побили. Мы надрали их костлявые коричневые задницы. Это мы должны колонизировать Вселенную, а вовсе не они.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но Джесси опередила меня:

– «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие

Небесное», – процитировала она, обращаясь к Леону, но поглядывая искоса на меня.

Леон с минуту стоял онемев и переводя взгляд то на меня, то на нашу новую знакомую.

– Вы не можете говорить серьезно, – сказал он наконец. – В Библии нет ни слова о том, что мы должны быть привязаны к Земле, в то время как эта толпа чернозадых, которые даже не верят в Иисуса – это подумать только! – расплзается по Галактике. И там, конечно, ничего не говорится о том, что мы должны защищать этих мелких ублюдков! Господи! У меня сын побывал на той войне. Кто-то из этой погани отстрелил ему яйцо! Его яйцо! Они заслужили то, что получили, сучьи дети! И не говорите, что я должен быть счастлив спасти их никчемные задницы там, в колониях.

Джесси подмигнула мне.

– Не хотите ответить на это?

– Если вы не возражаете.

– О, несколько, – с готовностью отозвалась она.

– «Я говорю вам: любите врагов ваших, – процитировал я, – благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»².

Леон сделался красным, как вареный омар.

---

² Евангелие от Матфея, 5.

– Вы оба выжили из вашего гребаного ума! – рывкнул он и направился прочь так быстро, как только позволяла груда жира, составляющая его тело.

– Слава богу... – пробормотал я. – Причем я говорю это совершенно искренне.

– Вы на редкость искусно обращаетесь с цитатами из Библии, – сказала Джесси. – Вы, наверно, в прежней жизни были проповедником, да?

– Нет, – ответил я. – Но я жил в городке, где на две тысячи человек населения имелось пятнадцать церквей. Такая жизнь помогла мне овладеть этим языком. К тому же совершенно не обязательно быть религиозным человеком, чтобы высоко ценить Нагорную проповедь. А чем вы сможете оправдаться?

– Учеба в католической школе, только и всего. В десятом классе я получила ленту в награду за хорошую память. Просто удивительно, как много всякой всячины может сохранить мозг на протяжении шестидесяти лет, хотя в последнее время я не могла даже запомнить, где оставила машину, отправляясь в магазин.

– Как бы то ни было, позвольте мне принести извинения за Леона, – сказал я. – Я знаю его очень мало, но все же достаточно для того, чтобы понимать, что он круглый болван.

– «Не судите, да не судимы будете», – отозвалась Джесси, пожав плечами. – Он всего лишь произносит вслух то, о чем очень многие думают втихомолку. Я считаю, что такая точ-

ка зрения глупа и неправильна, но могу его понять. Мне самой жаль, что пришлось ждать всю жизнь, чтобы повидать колонии и в конце концов вступить в армию. Будь у меня возможность сделаться колонисткой, когда я была моложе, я бы воспользовалась ею.

– Похоже, что вы отправляетесь туда, – я ткнул рукой вверх, – не для того, чтобы наслаждаться военными приключениями.

– Конечно нет, – не без презрения в голосе ответила Джесси. – А вы записались, конечно же, потому, что испытываете нестерпимое желание повоевать?

– Нет, – честно сказал я.

Джесси кивнула.

– Вот и я тоже. Равно как и большинство из нас. Ваш друг Леон, несомненно, записался вовсе не из-за желания повоювать с оружием – он же терпеть не может тех людей, которых мы будем защищать. Люди записываются в ССК или из-за того, что боятся смерти и не хотят быть стариками, или чтобы увидеть нечто новое перед тем как умрут. Знаете, я записалась именно поэтому. Вовсе не для того, чтобы сражаться или снова стать молодой. Я всего лишь хочу узнать, на что это похоже – быть где-нибудь еще.

Она повернулась и взглянула в окно.

– Если честно, мне самой смешно слышать от себя эти слова. Вы можете не поверить, но до вчерашнего дня я ни разу не выезжала за пределы Техаса.

– Не думаю, что вам стоит сильно переживать из-за этого, – ответил я. – Техас очень велик.

Она улыбнулась.

– Спасибо. Но, если честно, я вовсе не переживаю. Это всего лишь немного смешно. Когда я была маленькой, то очень любила читать все подряд романы из серии «Юный колонист», смотрела фильмы и мечтала о том, как буду разводить скот где-нибудь в системе Арктура и сражаться против жестоких земляных червей в колонии Гамма-Прайм. Мне исполнилось двенадцать лет, когда я узнала, что колонисты происходят из Индии, Казахстана, Норвегии, то есть из тех стран, которые не в состоянии обеспечивать существование населения. А я родилась в Америке, и, значит, мне не светит попасть туда. Какое разочарование! И дело было вовсе не в арктурианских коровах или земляных червях!

Она снова пожала плечами.

– Я выросла в Сан-Антонио, затем уехала учиться в колледж при Техасском университете, вернулась обратно и устроилась на работу. В конце концов вышла замуж, и каждый год мы ездили в отпуск на побережье Мексиканского залива. На тридцатую годовщину хотели поехать с мужем в Италию, но так и не поехали.

– Что же случилось?

Джесси рассмеялась.

– Его секретарша – вот что случилось. Это они в итоге отправились в Италию на медовый месяц. А я осталась дома.

С другой стороны, их путешествие закончилось в Венеции, где они оба насмерть отравились моллюсками, так что для меня все кончилось гораздо лучше. В общем, после этого я не слишком переживала, что не путешествую. Я знала, что вступлю в ССК, как только достигну нужного возраста. И вот я здесь. Хотя теперь немного жаль, что я так мало повидала на Земле. Я летела до Найроби с пересадкой в Далласе. Это было очаровательно. Хотелось бы мне, чтобы такая поездка была не единственной в моей жизни. Я не имею в виду вот это. – Она махнула рукой в сторону окна, за которым тянулись кабели «бобового стебля». – Ни разу в жизни не думала, что мне придется ехать в этой штуке. Интересно, что держит эту веревку стоймя?

– Вера, – серьезно ответил я. – Вы верите, что она не упадет, и она не падает. Только постарайтесь не думать об этом слишком много, а не то у нас всех могут случиться неприятности.

– Во что я действительно верю, – с точно такой же серьезностью сказала Джесси, – так это в то, что мне хочется перекусить. Не желаете присоединиться?

– Вера... – повторил Гарри Уилсон и весело рассмеялся. – Что ж, возможно, этот кабель и впрямь поддерживает именно вера. Поскольку я точно уверен – это может быть что угодно, но только не фундаментальная физика.

Гарри Уилсон присоединился к нам с Джесси в кабине,

где мы расположились, чтобы поесть.

– Мне показалось, что вы знакомы друг с другом, а это здесь редкое явление, – сказал он, подходя к нам.

Мы пригласили его составить нам компанию, и он с благодарностью согласился. Гарри двадцать лет преподавал физику в средней школе города Блумингтон в штате Индиана, и «бобовый стебель» с его «бобами» занимали его мысли с той самой минуты, как он взошел на платформу.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что это не физика? – вскинулась Джесси. – Это совсем не то, что я хотела бы сейчас услышать.

Гарри улыбнулся.

– Извините. Попытаюсь выразиться по-другому. Положением этого «стебля», конечно же, управляют какие-то физические законы. Только вовсе не те, к которым мы привыкли. Здесь происходит много таких вещей, каким мы на поверхности Земли не можем дать никакого объяснения.

– Я чувствую, что нам предстоит выслушать лекцию по физике, – сказал я.

– Я много лет преподавал физику подросткам. – Гарри извлек из кармана маленький блокнот и авторучку. – Больно не будет, можете мне поверить. А теперь смотрите сюда.

Он начертил полукруг внизу страницы.

– Это Земля. А это, – он нарисовал кружок примерно посередине страницы, – колониальная станция. Она находится на геостационарной орбите, то есть перемещается в точном

соответствии с вращением Земли, и потому всегда расположена над Найроби. Пока что понятно?

Мы дружно кивнули.

– Прекрасно. Идем дальше. Смысл всей этой системы, которая у нас получила название «бобовый стебель», заключается в том, что колониальная станция соединяется с Землей через этот самый пучок тросов, часть которых мы видим в окне, оснащенных подъемными платформами. На одной из них мы сейчас и находимся.

Гарри провел линию, изображающую трос, и нарисовал маленький квадратик, обозначающий нашу платформу.

– Так вот, подъемники на этих тросах не должны достигнуть скорости убегания – в этом случае они выходили бы на околоземную орбиту, как это делают грузовые ракеты. Для нас это хорошо, потому что нам не приходится добираться до колониальной станции, чувствуя себя при этом так, словно на груди стоит слон. Пока что все просто. Хитрость заключается в том, что «бобовый стебель» не подчиняется тем законам физики, по которым растут бобы на земле. С одной стороны, – Гарри продолжил линию от колониальной станции до верха страницы, – колониальная станция не имеет права находиться на конце троса. По причинам, связанным с соотношением масс и орбитальной динамикой, нужно предполагать, что трос должен тянуться еще на десятки тысяч миль за ту точку, где находится станция. Без этого противовеса система окажется непредсказуемо нестабильной и, следова-

тельно, опасной.

– А вы, значит, хотите сказать, что она не опасна? – подначил я собеседника.

– Она не только не нестабильна, а вообще, вероятно, является самым безопасным средством передвижения из всех, какие когда-либо были изобретены, – сказал Гарри. – «Бобовый стебель» непрерывно используется в течение столетия с лишним. Колонисты всегда отправляются из одного-единственного пункта. Ни разу за все эти годы не было ни какого-нибудь несчастного случая, ни отказа техники. Лишь однажды, сорок лет назад, на «бобовом стебле» прогремел взрыв, но это оказалось диверсией, никак не связанной с физической структурой самой системы. Конструкция не менее стабильна, чем в тот день, когда ее построили. Но, согласно базовым принципам известной у нас физики, так быть не должно.

– Так что же все-таки его поддерживает? – спросила Джесси.

Гарри снова улыбнулся.

– В этом и заключается весь вопрос.

– Вы хотите сказать, что не знаете этого? – продолжала наступать Джесси.

– Не знаю, – согласился Гарри. – Но это само по себе не должно представлять ни малейшей причины для тревоги, потому что я всего лишь школьный учитель физики. Вернее, бывший учитель. Однако, насколько мне известно, ни-

кто другой точно так же не имеет мало-мальски ясного представления о том, как эта штука работает. Во всяком случае, на Земле. Очевидно, в Союзе колоний об этом знают.

– Но как же такое может быть? – спросил я. – Помилуй бог, этот лифт действует уже целый век. И неужели никто не потрудился выяснить, как же он на самом деле работает?

– Конечно, пытались. Причем все эти годы вокруг «бобового стебля» не было никакой особой тайны. Когда его только начали строить, многие правительства и, конечно, пресса настаивали на том, чтобы им сообщили, как система действует. Союз колоний ответил: ради бога, выясняйте. И на этом разговоры закончились. В физических кругах попытки разрешить проблему предпринимаются непрерывно. Задачу так и назвали: «Проблема «бобового стебля».

– Не очень-то оригинальное название, – ворчливо заметил я.

– Ну, допустим, физики берегут свое воображение для других вещей, – усмехнулся Гарри. – Однако проблема так и не решена по двум основным причинам. Первая – огромная сложность задачи. Тут надо учитывать не только соотношение масс, но и прочность троса, и колебания «стебля», порожденные циклонами и другими атмосферными явлениями, и даже форму стальных канатов. Каждую из этих задач чрезвычайно трудно решить даже по отдельности, а уж во взаимосвязи – просто безнадежно.

– А какова вторая причина? – спросила Джесси.

– Вторая причина состоит в том, что нет особого смысла выяснять. Даже если нам все-таки удастся сообразить, как соорудить такую штуку, мы не сможем позволить себе подобный проект. – Гарри откинулся на спинку диванчика. – Перед тем как прийти в школу, я успел поработать в отделе гражданского строительства «Дженерал электрик». Тогда собирались проложить субатлантическую железную дорогу. Одной из моих обязанностей было изучение старых проектов и технических предложений для того, чтобы отыскать какую-нибудь технологию или методы, которые можно было бы использовать в проекте. Нечто вроде церковной епитимии, направленной на то, чтобы любыми путями сократить затраты.

– Если я не ошибаюсь, «Дженерал электрик» обанкротилась как раз на этой затее, не так ли? – спросил я.

– В таком случае вы понимаете, почему они так хотели сократить свои расходы и почему я сделался учителем. После того что случилось, «Дженерал электрик» не могла предложить ни мне, ни множеству других своих сотрудников ничего лучшего. Но это было потом. А в то время я копался в старых документах, дошел до одного засекреченного фонда и наткнулся на рапорт об исследовании «бобового стебля». «Дженерал электрик» была привлечена американским правительством в качестве независимого разработчика технико-экономического обоснования строительства «стебля» в Западном полушарии. Предполагалось расчистить в Ама-

зонии участок размером со штат Делавэр и закрепить «стебель» прямо на экваторе. «Дженерал электрик» тогда порекомендовала правительству забыть об этих планах. В отзыве было написано, что бюджет такого проекта должен будет превысить три величины годового валового национального продукта всей экономики Соединенных Штатов. И это с учетом некоторых крупномасштабных прорывов в области технологии, которые еще даже не сделаны. Я читал эту бумажку двадцать лет назад, и уже тогда она была старой – пролежала добрый десяток лет. Но я не думаю, что с тех пор затраты могли сколько-нибудь заметно понизиться. Так что не стоит ожидать появления нового «бобового стебля». Существуют более дешевые способы доставки людей и грузов на орбиту. Намного более дешевые.

Гарри наклонился вперед.

– А отсюда возникают два очевидных вопроса: каким образом Союз колоний смог создать это технологическое чудо-вище и почему они вообще решили беспокоить себя этой работой?

– По-моему, совершенно ясно: Союз колоний технологически далеко ушел вперед от тех, кто остался на Земле, – сказала Джесси.

– Несомненно, – согласился Гарри. – Но почему? В конце концов, колонисты – это те же люди. И больше того, с тех пор как колонии стали комплектоваться преимущественно жителями беднейших стран, страдающих от перенаселен-

ности, колонисты, как правило, бывают очень плохо образованными. Логично было бы предположить, что, когда они попадают в свои новые дома, им приходится тратить время на обеспечение выживания, а вовсе не на обдумывание наиболее прогрессивных способов строительства подобных сооружений. Да и первичной технологией, позволившей начать межзвездную колонизацию, явился скачковый привод, который был разработан здесь, на Земле, и не претерпел существенных улучшений на протяжении ста с лишним лет. Исходя из этих посылок я не вижу никаких оснований для того, чтобы колонисты могли далеко опередить нас в технологическом плане.

У меня в голове словно соединились два контакта.

– Если только они не жульничают, – сказал я.

Гарри ухмыльнулся.

– Именно. Я думаю как раз об этом.

Джесси посмотрела на меня, потом на Гарри.

– Я что-то не пойму, о чем вы, – пожаловалась она.

– Они обманывают нас, – объяснил я. – Посудите сами: здесь, на Земле, люди закупорены, как в бутылке. Мы можем узнавать что-то лишь своими собственными силами. Ученые постоянно делают открытия и разрабатывают новые технологии, но все это происходит медленно. Зато там...

– Там люди встречаются с различными другими разумными расами, – подхватил Гарри. – Некоторые из них почти наверняка обладают технологиями, намного более продвину-

тыми, чем наши. Мы или покупаем их, или воссоздаем принцип по образцу. Намного легче выяснить, как что-то работает, если у тебя имеется действующий экземпляр этого чего-то, нежели придумать все с самого начала.

– В этом и заключается их мошенничество, – подтвердил я. – СК подглядывает в чью-то тетрадку, а нам выдает чужие открытия за свои собственные.

– Но почему же Союз колоний не делится с нами тем, что узнает? – удивилась Джесси. – Какой смысл им хранить все это для себя?

– Возможно, они думают, что то, чего мы не знаем, не может нам навредить, – предположил я.

– А может быть, все совсем не так, – отозвался Гарри и указал рукой в сторону окна, за которым все так же ползли тросы. – И «стебель», понимаете ли, выстроен не для того, чтобы с удобствами доставлять людей на колониальную станцию. Его сделали потому, что это один из самых трудных, фактически самый дорогой, самый технологически сложный и самый ужасающий механизм. Одно лишь его наличие служит напоминанием о том, что СК на целые световые годы опередил землян во всем и что нам даже нечего пытаться тягаться с ними.

– Я никогда не воспринимала это сооружение как ужасающее, – сказала Джесси. – Если честно, то я вообще никогда не думала о нем.

– А вот если бы вы были президентом Соединенных Шта-

тов, то думали бы по-другому. В конце концов, именно СК держит нас всех на Земле взаперти. Ведь мы осуществляем только те космические путешествия, которые СК позволяет нам: либо отправляясь осваивать колонии, либо вербуясь в их вооруженные силы. На политических лидеров постоянно оказывается сильнейшее давление, от них требуют, чтобы они сломили диктат СК и дали возможность людям летать к звездам. Но «бобовый стебель» служит постоянным напоминанием. Он как бы говорит: пока вы не сможете сделать что-нибудь подобное, даже и не думайте соперничать с нами. А ведь это единственный механизм, который СК нам показал. Приходится только догадываться о том, что они нам не показывают. Уверяю вас, что президент США об этом думает. И наличие этой штуки удерживает и его, и всех остальных лидеров на планете от опрометчивых шагов.

– Все это не вызывает у меня дружественных чувств по отношению к Союзу колоний, – заметила Джесси.

– Но не следует воспринимать это как некий зловещий намек, – ответил Гарри. – Вполне возможно, что СК старается таким образом защитить Землю. Вселенная – просторное место. Возможно, мы живем не в самом лучшем соседстве.

– Гарри, скажите, вы всегда были склонны к паранойе, – поинтересовался я, – или же она развилась у вас с возрастом?

– А как, по-вашему, я смог дожить до семидесяти пяти? – усмехнулся в ответ Гарри. – Но, как бы там ни было, я не считаю технологическую развитость СК проблемой. Она долж-

на сослужить мне добрую службу. Взгляните-ка вот на это, – он поднял руку, – вы видите старую, дряблую конечность довольно неприглядного вида. А Силы самообороны колоний собираются взять эту руку – и остального меня вместе с нею – и отлить из этого утиля нового бойца. И знаете как?

– Нет, – кратко ответил я. Джесси молча покачала головой.

– И я тоже, – сказал Гарри и с довольно громким шлепком уронил руку ладонью вниз на стол. – Я понятия не имею, как они сумеют это сделать. Не могу даже вообразить. Если исходить из предположения, что СК держит нас в состоянии технологического младенчества, то желание объяснить это выльется в попытку растолковать принцип устройства «бобового стебля» человеку, который никогда не имел дела с транспортными средствами сложнее чем телега, запряженная лошадью. Но они, несомненно, способны на это. Иначе зачем бы они вербовали семидесятипятилетних? Вселенную не завоеешь даже целыми легионами больных стариков. Я не хотел никого обидеть, – быстро добавил он.

– Никто из нас и не думал обижаться, – с улыбкой отозвалась Джесси.

– Леди и джентльмен, – торжественно произнес Гарри, посмотрев на нас обоих, – мы, конечно, можем считать, что уже получили некоторое представление о том, во что влипли. Но лично я думаю, что не наткнулись даже на первые, самые предварительные улики. «Бобовый стебель» создан для того,

чтобы сказать нам именно это. А ведь мы лишь в самом начале нашего путешествия. То, что мы увидим потом, будет еще громаднее и еще страннее. Подготовьтесь к этому как можно лучше.

– Чрезвычайно драматично, – сухо бросила Джесси. – Я не представляю себе, как и к чему готовить себя после такого заявления.

– А я представляю, – ответил я и, поднявшись, быстро направился к выходу из кабинки. – Я намереваюсь пойти пописать. Раз уж Вселенная настолько больше и страннее, чем я способен вообразить, лучше встретиться с нею с пустым мочевым пузырем.

– Сказано, как подобает настоящему бойскауту, – одобрительно заметил Гарри.

– Бойскауту не нужно мочиться так часто, как мне, – сказал я.

– Ничуть не меньше, – успокоил Гарри. – Стоит только прожить еще лет шестьдесят.

– Не знаю, что думаете вы двое, – сказала Джесси мне и Гарри, – но пока что все это несколько не соответствует моим представлениям об армии.

– Это вовсе не так плохо, – сказал я. – Возьмите-ка еще один пончик.

– Не нужен мне ваш пончик, – шутливо огрызнулась она, но пирожок все же взяла. – А вот что мне действительно нужно, так это хоть немного поспать.

Я отлично понимал ее. Прошло уже более восемнадцати часов с тех пор, как я покинул дом и почти все это время непрерывно куда-то ехал. Я готов был заснуть на ходу. Но вместо этого сидел вместе с другими новобранцами, которых набралось около тысячи, в огромной столовой межзвездного крейсера, пил кофе и ел пончики, ожидая, что кто-то придет и скажет, что мы должны делать дальше. По крайней мере, это как раз соответствовало моим представлениям об армии.

Спешка, перемежающаяся ожиданием, началась сразу же по прибытии. Едва мы сошли с платформы «бобового стебля», нас приветствовали двое служащих Союза колоний. Они сообщили, что мы являемся последними из той группы, которую ожидает корабль. Отправление скоро, поэтому мы должны быть так любезны быстрее проследовать с ними,

чтобы не отставать от графика. Затем один направился вперед, вторая замкнула шествие с тыла, и они энергично и довольно неуважительно погнали стадо из нескольких дюжин престарелых землян через орбитальную станцию, туда, где нас ожидало космическое судно ССК «Генри Гудзон».

Джесси и Гарри были заметно разочарованы необходимостью торопиться. Я тоже. Колониальная станция была огромна: более мили в диаметре. Точнее – 1800 метров. Как я и подозревал, после семидесяти пяти лет жизни мне наконец пришлось привыкать к метрической системе. Станция служила единственным портом, из которого отправлялись в пространство новобранцы и колонисты. Торопливо ковылять через это сооружение, не имея возможности остановиться и посмотреть вокруг, напомнило мне далекую картинку детства: точно так же измученные родители волокут пятилетнего ребенка через игрушечный магазин в канун Нового года. У меня возникло сильное искушение шлепнуться на пол и закатить истерику, пока не будет по-моему. К сожалению, я был слишком стар (или, возможно, еще недостаточно стар), чтобы можно было позволить себе такое поведение.

Пожалуй, единственным, что я успел рассмотреть на бегу, была дразняще недоступная закусовая. Понукаемые и подгоняемые нашими провожатыми, мы пересекли огромный зал, точнее, площадь ожидания, забитую до отказа людьми, которые, как мне показалось, были пакистанцами или индийскими мусульманами. Некоторые о чем-то спори-

ли на ломаном английском с вездесущими аппаратчиками СК, другие баюкали изнемогающих от ожидания детей или рылись в вещах в поисках взятой впрок еды. В одном углу группа мужчин стояла на коленях на ковриках и молилась. Я между делом попытался сообразить, каким образом они определили, в какой стороне расположена Мекка, от которой их отделяло двадцать три тысячи миль, но мы тут же промчались мимо, и я потерял их из виду. Большинство отправляющихся терпеливо ждали приказа грузиться в шаттлы, а оттуда – на огромные транспортные суда, предназначенные для перевозки колонистов. Одно такое судно было хорошо видно в окно.

Вдруг Джесси дернула меня за рукав и указала направо. Там, в нише, где находилось нечто вроде бара, я мельком увидел что-то синее, состоящее из множества щупалец, в одном из которых был зажат стакан с мартини. Я толкнул Гарри. Тот настолько заинтересовался, что сделал несколько шагов назад и всмотрелся в странное существо – к немалому испугу погонщицы, замыкавшей наше шествие. Ее лицо просто перекосилось, и она поспешно шуганула любопытного обратно в стадо. Гарри ухмылялся во весь рот.

– Гехаар, – сказал он. – Когда я туда заглянул, оно ело кусок говядины. Омерзительно!

Он громко захихикал. Гехаары были одной из первых разумных рас, с которыми люди столкнулись еще до того, как Союз колоний установил монополию на космические путе-

шества. Вполне приличные ребята, вот только пищеварение у них было внешним, и они, когда ели, впрыскивали в еду страшно едкую кислоту, заменявшую желудочный сок, а потом шумно втягивали образовавшуюся жижу через ротовое отверстие. Действительно, чрезвычайно неаппетитное зрелище.

Впрочем, Гарри было на это наплевать. Просто он впервые в жизни увидел живого инопланетянина.

Между тем наша извивающаяся цепочка достигла места назначения: мы приблизились к площадке, перед которой светились на дисплее слова: «ГЕНРИ ГУДЗОН» (ССК). **НОВОБРАНЦЫ**». Наша группа поспешно расположилась на местах, а провожатые отправились поговорить с другими колонизаторами, ожидавшими возле выхода. Гарри, который явно изнывал от любопытства, направился к окну, чтобы посмотреть на наше судно. Мы с Джесси, едва успев присесть, поднялись и устало побрели вслед. Маленький информационный монитор, вделанный в окно, помог найти нужный корабль среди множества больших и малых судов, расположившихся на космическом рейде.

«Генри Гудзон», естественно, не был пришвартован прямо к воротам в борту станции: очевидно, пристыковать многотонный межзвездный космический корабль и заставить его двигаться синхронно с вращающейся космической станцией было очень непросто. Точно так же, как и транспорт колонистов, он висел в некотором отдалении, а грузы, пассажи-

ров и команду доставляли на борт при помощи несоизмеримо меньших шаттлов и барж. «Гудзон» совсем не походил на массивные, функциональные до полной неэстетичности корабли колонистов. Он был стройным, продолговатым и, что показалось мне важным, не имел формы цилиндра или колеса. Я сказал об этом Гарри.

– Постоянное искусственное тяготение, – кивнул он. – К тому же стабильное на огромной площади. Очень внушительно.

– Я думала, что мы ехали сюда при искусственном тяготении, – вставила Джесси.

– Так оно и было, – ответил Гарри. – Гравитационные генераторы платформы «бобового стебля» усиливали величину тяготения по мере нашего подъема.

– В таком случае, что же удивительного в том, что искусственное тяготение используется на космическом корабле? – спросила Джесси.

– Удивительного ничего нет, просто это чрезвычайно трудно, – начал объяснять Гарри. – Для создания поля тяготения требуется огромное количество энергии, причем оно растет экспоненциально по мере увеличения радиуса поля. Возможно, они хитрят и создают множество малых полей тяготения вместо одного большого. Но даже при этом методе для создания искусственной силы тяжести на платформе, с которой мы поднимались, потребовалось энергии, вероятно, больше, чем уходит на освещение всего вашего родного го-

рода в течение месяца.

– Я ничего в этом не понимаю, – отозвалась Джесси. – Я из Сан-Антонио.

– Замечательно. В таком случае – его родного города, – сказал Гарри, направив на меня указательный палец. – Суть в том, что в большинстве случаев искусственное тяготение намного проще и несравненно дешевле создавать при помощи колеса: раскрутить его, чтобы людей и предметы центробежной силой прижимало к наружной стороне изнутри. Достаточно раскрутить колесо, а потом нужно будет прикладывать к системе лишь минимум дополнительной энергии, чтобы компенсировать трение. А вот создание искусственного поля тяготения, напротив, требует постоянной и весьма значительной подачи энергии.

Он указал на «Генри Гудзон».

– Видите шаттл рядом с «Гудзоном»? Исходя из его величины, можно оценить размеры «Гудзона» как восемьсот футов в длину, двести футов в ширину и футов этак сто пятьдесят в высоту. Чтобы создать цельное поле искусственной гравитации вокруг такого малыша, пришлось бы надолго погасить свет в Сан-Антонио. Даже множественные небольшие поля потребуют удивительно большого расхода энергии. А это значит, что у них имеется источник энергии, который способен поддерживать не только поле тяготения, но и помимо этого все остальные системы судна, прежде всего отвечающие за движение, скачок и жизнеобеспечение. Или же

они нашли новый, энергосберегающий способ создания тяготения.

– Да, это, вероятно, и впрямь недешево, – согласился я и указал на транспортник, находившийся правее «Генри Гудзона». – Посмотрите на колониистское судно. Это колесо. И колониальная станция тоже вращается.

– Колонии, видимо, держат свою лучшую технологию для военных, – сказала Джесси. – И подобное судно используется только для перевозки новобранцев. Я думаю, Гарри, что вы правы. Мы действительно понятия не имеем, во что вляпались.

Гарри усмехнулся и снова уставился на «Генри Гудзон», который лениво отползал в сторону по мере вращения колониальной станции.

– Мне нравится, когда люди склоняются к моему образу мыслей.

Наши пастухи вновь защелкали кнутах (фигурально выражаясь) и выстроили нас в цепочку перед посадочными воротами шаттла. Мы предъявляли удостоверения чиновнику СК, который ставил галочки в списке против соответствующей фамилии, а его напарник вручал каждому электронную записную книжку.

– Спасибо за пребывание на Земле – это отличный прощальный подарок, – сказал я ему. Он, похоже, меня не понял.

Шаттлы не имели искусственного тяготения. Наши погонялы пристегнули нас ремнями к креслам и предупредили, чтобы мы ни в коем случае не пытались отстегнуться. Как бы между делом нам дали понять, что это все равно не удастся даже страдающим клаустрофобией, поскольку замки на ремнях безопасности в течение всего полета будут заблокированы. Таким образом, проблема была решена. Они также раздали всем, у кого были длинные волосы, пластмассовые сеточки, которые следовало надеть, чтобы при невесомости длинные волосы не разлетелись во все стороны.

Если кого-нибудь начнет тошнить, сказали нам, необходимо воспользоваться гигиеническими пакетами, которые имеются в боковых карманах каждого сиденья. Опекуны особо подчеркнули, что ни в коем случае не стоит пытаться подавлять рвотные позывы до последней секунды. В невесомости рвотные массы будут летать по всей кабине шаттла, невыносимо раздражая остальных пассажиров, а следствием будет то, что блевун окажется крайне непопулярным в обществе на протяжении всего последующего полета и, возможно, всей своей военной карьеры. Эти слова сопровождались громким шорохом – кое-кто из нас решил подготовиться заблаговременно. Женщина, сидевшая рядом со мной, судорожно стискивала пакет обеими руками. Я мысленно настроился на худшее.

К счастью, все обошлось, никого так и не вырвало, и весь короткий перелет до «Генри Гудзона» прошел на удивление

спокойно. После первоначального импульса, который можно выразить словами: «Вот дерьмо! Я падаю», мой мозг осознал, что тяготение исчезло, и успокоился. Состояние походило на не слишком быструю, зато очень продолжительную поездку на «американских горках». Мы добрались до корабля минут за пять, еще минута-другая ушла на точный подход. Затем дверь причального отсека открылась – не откинулась и не отползла вбок, а разъехалась во все стороны, как диафрагма в старинном фотографическом аппарате, – впустила шаттл внутрь и снова закрылась. Последовало еще несколько минут ожидания, пока в отсек вновь накачают воздух. После этого я почувствовал чуть заметное сотрясение, и внезапно вес вернулся ко мне – это включилось искусственное тяготение.

Выходной люк шаттла открылся, и в салоне появилась совершенно новая служащая СК.

– Добро пожаловать на корабль ССК «Генри Гудзон», – сказала она. – Прошу вас отстегнуть ремни, забрать свои вещи и проследовать по освещенной дорожке из причального отсека. Ровно через семь минут отсюда откачают воздух, чтобы выпустить этот шаттл и впустить на его место новый. Поэтому советую вам не медлить.

Все оказались поразительно шустрыми.

Нас провели в просторный зал, в котором находилась столовая «Генри Гудзона», и предложили выпить кофе, поесть пончиков и расслабиться. Ожидали появления какого-то бо-

лее высокого чина, который должен был объяснить нам, что к чему. Пока мы там сидели, столовая начала заполняться другими новобранцами, очевидно, прибывшими раньше нас. Через час в зале набралось уже несколько сот человек. Мне никогда еще не приходилось видеть так много стариков сразу. На Гарри зрелище тоже произвело впечатление.

– Такое можно увидеть разве что утром среды в самой большой в мире забегаловке «Дэнни», – заявил он и налил себе еще кофе.

Почти в то же время, когда мочевого пузыря сообщил мне, что я немного перестарался с кофе, в зале появился весьма представительный с виду джентльмен в голубом мундире дипломатической службы Союза колоний и прошел на свободную площадку около стены. Шум в зале начал стихать. Можно было заметить, что люди испытали немалое облегчение от того, что наконец кто-то скажет им, что, черт возьми, происходит.

Джентльмен стоял неподвижно несколько минут, пока тишина не стала мертвой.

– Приветствую вас, – сказал он, и мы все подскочили. У него, вероятно, был невидимый нам микрофон, и усиленный голос разносился из динамиков, встроенных в стены. – Меня зовут Сэм Кэмпбелл, я адъютант Союза колоний по части Сил самообороны. Хотя с формальной точки зрения я не вхожу в состав Сил самообороны колоний, однако ССК уполномочили меня ввести вас в курс дела и подготовить к дальнейшим

действиям, поэтому в течение нескольких предстоящих дней вы можете считать меня своим командиром. Далее. Мне известно, что многие из вас прибыли только что, с последним шаттлом, и нуждаются в отдыхе, а другие находятся на корабле уже около суток, но и те и другие одинаково желают узнать, что их ждет дальше. Учитывая все это, я постараюсь быть кратким.

Примерно через час ССК «Генри Гудзон» сойдет с околоземной орбиты и отправится в путь. Первый скачок будет совершен до системы Феникса, там мы сделаем краткую остановку, чтобы погрузить дополнительные грузы, и направимся дальше, к Бете Компаса-три, где начнется ваше обучение. Пока эти названия ничего вам не говорят. Вы лишь должны уяснить, что первый скачок состоится через два с небольшим дня, и на протяжении этого времени мои сотрудники подвергнут вас целому ряду медицинских и психологических обследований. Вероятно, именно сейчас персональный график каждого загружается в ваши электронные записные книжки. Прошу вас ознакомиться с информацией, когда сочтете это удобным. Ваши ЭЗК также укажут вам дорогу в любое нужное место на корабле, так что вы можете совершенно не бояться заблудиться здесь. Те из вас, кто только что прибыл на борт «Генри Гудзона», найдут в ЭЗК номера отведенных им кают и советы, как туда добраться.

Сегодня вечером от вас требуется только найти свои каюты. Большинству пришлось совершить довольно далекие

путешествия, и мы хотим, чтобы вы как следует отдохнули перед завтрашними обследованиями. Кстати, сейчас, перед тем как вы отправитесь отдыхать, самый подходящий момент для того, чтобы перейти на распорядок жизни по корабельному времени, которое совпадает со стандартным колониально-космическим временем. Сейчас, – он посмотрел на наручные часы, – двадцать один тридцать восемь по колониальному. Ваши ЭЗК установлены по судовому времени. Следующий день начнется у вас с завтрака – для него отведено время с шести до семи тридцати, – а потом последуют обследования и назначения. Завтракать не обязательно – вы пока еще не на военной службе, – но завтра у вас будет тяжелый день, и я настоятельно советую не забывать об этом.

В том случае если у вас будут какие-нибудь вопросы, вы можете через свои ЭЗК подключиться к информационной системе «Генри Гудзона» и воспользоваться помощью интерфейса искусственного интеллекта. Вы можете записать вопрос стилусом – электронным пером – или воспользоваться встроенным микрофоном ЭЗК. На каждой жилой палубе также будут постоянно находиться сотрудники администрации Союза колоний. Прошу не стесняться обращаться к ним за помощью. Наш медицинский персонал, имеющий личную информацию о каждом из вас, уже знает о любых проблемах или потребностях, которые у вас имеются или могут возникнуть, и, вполне возможно, придя в свои каюты, вы узнаете о сделанных вам назначениях. Вся информация о них будет в

ваших ЭЗК. Вы можете также в любой момент, когда сочтете нужным, посетить корабельный лазарет. Можно будет воспользоваться и услугами этой столовой на протяжении всей нынешней ночи. Но начиная с завтрашнего дня она будет работать по нормальному расписанию. О распорядке работы столовой и о меню вы также сможете узнать по ЭЗК. И еще одна важная вещь: начиная с завтрашнего дня вы все должны носить форму новобранцев ССК. В данный момент она уже находится в ваших каютах.

Кэмпбелл секунду помолчал, обводя нас, как он, вероятно, считал, многозначительным и проницательным взглядом.

– От имени Союза колоний и Сил самообороны колоний я приветствую вас как новых граждан и самое новое поколение наших защитников. Да благословит вас Господь, и да позволит Он вам пройти невредимыми через все, что вас ожидает.

Кстати, на тот случай, если вы захотите понаблюдать, как мы будем покидать околоземную орбиту, в помещении театра обсервационной палубы будет установлена видеосистема. Театр весьма просторен, в нем без труда поместятся все новобранцы, так что можете не волноваться насчет мест. «Генри Гудзон» движется с большой скоростью, и поэтому ко времени завтрака Земля превратится в очень маленький диск, а к обеду окажется всего лишь яркой точкой в небе. Вероятно, другой возможности посмотреть на то, что прежде было вашим родным миром, вам больше не представится. Поэтому,

если Земля что-то значит для вас, я рекомендую вам посетить театр.

– И как вам новый сосед по комнате? – спросил меня Гарри, усевшись рядом в театре на обсервационной палубе.

– Если честно, мне совершенно не хочется говорить на эту тему, – ответил я. При помощи ЭЗК я добрался до своей каюты и обнаружил, что сосед уже раскладывает вещи. Им оказался Леон Дик. Он поднял голову и проворчал:

– О, смотрите-ка, знаток Библии, – и с тех пор старательно игнорировал меня, что в комнате размером десять на десять футов было довольно трудно сделать. Леон уже завладел нижней койкой (которая для коленей с семидесятипятилетним стажем казалась намного более привлекательной). Мне ничего не оставалось, как бросить мою сумку на верхнюю полку, взять ЭЗК и отправиться навестить Джесси, которая тоже разместилась на этой палубе. Ее соседка, милая леди по имени Мэгги, поприветствовала меня любезным кивком и умчалась смотреть, как «Генри Гудзон» начнет удаляться от Земли. Я сообщил Джесси, с кем мне придется обитать бок о бок. Она рассмеялась.

Гарри, услышав эту новость в пересказе развеселившейся Джесси, сочувственно похлопал меня по плечу.

– Не слишком переживайте из-за этого. В конце концов, это всего лишь до Беты Компаса.

– Где бы эта самая Бета ни находилась, – добавил я. – А

кто ваш сосед?

– Не могу ничего сказать о нем, – ответил Гарри. – Когда я добрался до каюты, он уже спал. Занял нижнюю койку, убудок.

– А моя соседка – само очарование, – сообщила Джесси. – Как только мы познакомились, она угостила меня домашним печеньем. Сказала, что его напекла внучка ей в дорогу.

– Меня она печеньем не угощала, – возмутился я.

– Но ведь ей предстоит жить не с вами, правда?

– И как вам показалось печенье? – спросил Гарри.

– Больше всего походило на окаменевшую овсянку, – призналась Джесси. – Но дело не в этом. Просто у меня, в отличие от вас, прекрасная соседка. Я специалист. Смотрите, вон там Земля, – ткнула она пальцем в загоревшийся огромный видеоэкран.

Планета была видна с просто изумительной четкостью. Тот, кто создал этот видеоэкран, кем бы он ни был, проделал превосходную работу.

– Жаль, что такого экрана не было в моей гостиной, – сказал Гарри. – Ко мне собирались бы все соседи смотреть игры суперкубка.

– Просто посмотрите на нее, – сказал я. – Всю жизнь она оставалась единственным местом, где нам доводилось бывать. Все, кого мы когда-либо знали или любили, жили там. А теперь мы ее покидаем. Это не вызывает в вас каких-нибудь чувств?

– Возбуждение, – отозвалась Джесси. – И грусть. Но не слишком сильную грусть.

– Определенно не слишком сильную, – поддержал ее Гарри. – Для меня там уже не оставалось никаких дел – только стареть и умирать.

– Знаете, умереть вам, может быть, еще удастся, – предположил я. – Вы ведь станете военным.

– Да, но я умру не стариком, – ответил Гарри. – Собираюсь воспользоваться шансом погибнуть молодым и оставить после себя красивый труп. Это послужит возмещением того, что было упущено мною в первый раз.

– Да вы романтик, – невозмутимо сказала Джесси.

– Вы чертовски правы, – согласился Гарри.

– Слушайте, – перебил их я. – Мы, похоже, отправляемся.

Через громкоговорители театра доносились отрывистые переговоры между «Генри Гудзоном» и диспетчером колониальной станции. Затем послышался чуть слышный низкий гул, и сквозь кресла мы ощутили едва заметную вибрацию.

– Двигатели, – сказал Гарри.

Мы с Джесси кивнули.

А потом Земля начала медленно уменьшаться на видеоэкране. Все еще огромная, все еще сияющая чистыми синим и белым цветами, она прямо на глазах неумолимо съеживалась, занимая все меньшую и меньшую часть экрана. Все несколько сот новобранцев молча следили за тем, как она удалялась. Я скосил глаза на Гарри, который, несмотря на

недавнюю браваду, сидел в глубокой задумчивости. По щеке Джесси катилась слеза.

– Эй, – сказал я и взял ее за руку. – Разве вы забыли: не слишком сильная грусть!

Она улыбнулась в ответ и пожала мою руку.

– Да, – ответила она хриплым полупшепотом. – Не слишком сильная. Но все же... Все же...

Мы просидели там еще некоторое время, глядя, как все, что мы когда-либо знали, уменьшается и сползает к краю видеоэкрана.

Я установил мою ЭЗК, чтобы она разбудила меня ровно в шесть, что она и сделала, начав негромко воспроизводить через свои маленькие динамики духовую музыку, которая постепенно становилась все громче и громче, пока я не проснулся. Музыку я выключил, тихонько сполз с верхней полки и, включив в платяном шкафу маленькую лампочку, разыскал полотенце. В том же шкафу висели два комплекта формы новобранцев голубого «колониального» цвета, спортивного образца: две голубые футболки, две пары широких голубых, похожих на китайские штанов на веревочке, две пары белых носков, трусы, похожие на шорты, и синие спортивные тапочки. Судя по всему, до прибытия на Бету Компаса настоящая форменная одежда нам не должна была потребоваться. Я надел штаны и футболку и поплелся в душ.

Когда вернулся, в комнатухе ярко горел свет, но Леон еще валялся в постели – лампы, судя по всему, включились

автоматически. Я надел рубашку поверх футболки, дополнил свой наряд носками и тапочками и теперь был готов бегать трусцой или заниматься чем-нибудь другим, что для меня запланировали на этот день. Теперь следует позавтракать. Направляясь к двери, я легонько тряхнул Леона за плечо. Конечно, он был балбесом, но даже балбес вряд ли хочет проспать завтрак. Когда он приоткрыл глаза, я осведомился, не желает ли он поесть.

– Что? – неуверенно, как пьяный, ворочая языком, пробормотал он. – Нет. Оставь меня в покое.

– Вы уверены, Леон? – спросил я. – Вы же помните, как говорят о завтраке: завтрак съешь сам, ну и так далее. Вставайте. Вам потребуется запас энергии.

Теперь Леон уже чуть не рычал на меня.

– Моя мать умерла тридцать лет назад! Неужели она не могла выбрать для своего возрождения кого-нибудь получше тебя! Проваливай отсюда и дай мне поспать!

Мне было приятно видеть, что Леон несколько не смягчил своего отношения ко мне.

– Ладно, – сказал я, – вернусь после завтрака.

Леон хрюкнул и перекатился на другой бок. Я направился в столовую.

Завтрак оказался восхитительным. Если бы Ганди был женат на женщине, которая могла так готовить, он забыл бы о всяком воздержании. Я взял две золотистые хрустящие бельгийские вафли, обсыпанные сахарной пудрой, политые, если

мне не изменил вкус, самым настоящим кленовым сиропом из Вермонта, да еще и с хорошей порцией сливочного масла, которое было растоплено ровно настолько, чтобы заполнить все углубления вафли. Добавьте к этому яйца всмятку, четыре толстых куска темно-коричневого бекона с хрустящей корочкой, сок из апельсина, который, очевидно, даже не успел понять, что его отжали, и кружку кофе, будто только что собранного и обжаренного.

Я решил, что умер и попал в рай. Если учесть, что на Земле я с юридической точки зрения теперь официально мертв и лечу, пересекая Солнечную систему, в космическом корабле, то мое предположение не слишком далеко от истины.

– Вот это да, – воскликнул парень рядом, взглянув, как я опустил на стол плотно уставленный поднос. – Только посмотрите, сколько здесь жиров. Вы прямо-таки напрашиваетесь на ишемическую болезнь. Поверьте мне, я доктор и знаю, что говорю.

– Угу, – откликнулся я, указывая на его поднос. – Вот это, прямо перед вами, кажется мне похожим на омлет из четырех яиц. А рядом – по фунту ветчины и чеддера.

– Поступайте так, как я вам советую, а не так, как я сам себя веду. Таково было мое кредо во все время врачебной практики, – бодро отозвался он. – Если бы больше пациентов прислушивались к моим советам, вместо того чтобы брать с меня пример, они бы до сих пор были живы. Пусть это послужит нам всем уроком. Кстати, я – Томас Джейн.

– Джон Перри, – представился я, протягивая руку.

– Рад познакомиться, – сказал он. – Хотя я глубоко опечален тем, что вы можете все это съесть, поскольку в таком случае вы умрете от сердечного приступа не позднее чем через час.

– Не слушайте его, Джон, – сказала сидевшая напротив женщина, на тарелке которой еще лежали остатки недоеденной порции сосисок и блинов. – Том всего лишь пытается уговорить вас отдать ему часть вашей порции, чтобы ему не пришлось вновь идти на раздачу. Именно так я лишилась половины моих сосисок.

– Это обвинение настолько же неуместно, насколько и справедливо, – с негодованием возразил Томас. – Я признаю, что покушаюсь на его бельгийскую вафлю. Да, я не стану этого отрицать. Но, поскольку я жертвую своими собственными артериями ради того, чтобы продлить его жизнь, я заслужил этот кусочек пищи. Можете считать это кулинарным эквивалентом падения телом на гранату для спасения товарища.

– Гранаты обычно не бывают политы сиропом, – усмехнулась женщина.

– А может быть, это стоит делать, – заявил Томас. – Тогда мы увидели бы намного больше самоотверженных поступков.

– Вот, – сказал я, отпиливая ножом половину вафли. – Бросьтесь-ка вот на это.

– Для начала я попробую обойтись не телом, а только лицом, – пообещал Томас.

– Мы все чрезвычайно рады слышать это, – ответил я.

Женщина, сидевшая напротив, представилась как Сьюзен Риардон из Бельвью штата Вашингтон.

– Что вы думаете о нашем небольшом космическом приключении? – спросила она меня.

– Если бы я знал, что здесь настолько хорошо кормят, то изыскал бы какой-нибудь способ подписать контракт уже несколько лет назад, – сказал я. – Кто бы мог подумать, что армейская пища может быть такой.

– Не думаю, что мы уже находимся в армии, – невнятно из-за того, что его рот был набит, сказал Томас. – Я думаю, что это нечто вроде зала ожидания Сил самообороны колоний, если вы понимаете, что я имею в виду. Настоящая армейская пища, несомненно, будет куда более скудной. К тому же я очень сомневаюсь, что там мы будем сидеть за столами в тапочках, как сейчас.

– Значит, вы считаете, что они так поступают, чтобы нам было легче приспособиться к новой жизни? – спросил я.

– Совершенно верно, – подтвердил Томас. – Посудите сами, на этом судне тысяча совершенно незнакомых людей. Ни у кого из нас теперь нет ни дома, ни семьи, ни профессии. Это жесточайший ментальный шок. Наименьшее, что они могут для нас сделать, – это дать нам пищу совершенно невероятного качества, чтобы отвлечь от мыслей обо всем

этом.

– Джон! – Гарри помахал мне из очереди.

Я махнул в ответ. Через несколько минут он и еще один, незнакомый мне мужчина подошли к нам, неся нагруженные подносы.

– Это Алан Розенталь, мой сосед по комнате, – представил Гарри своего спутника.

– Прежде известный как спящая красавица, – добавил я.

– Ваши слова справедливы примерно наполовину, – отозвался Алан. – Я и впрямь умопомрачительно красив.

Я представил Гарри и Алана Сьюзен и Томасу.

Томас поцокал языком, внимательно разглядывая их подносы.

– Еще двое, кому не терпится дождаться резкого обострения атеросклероза.

– Гарри, лучше сразу скиньте Тому на тарелку пару кусков бекона, – сказал я. – А не то он всем нам плешь проест по поводу того, как нужно сохранять свое здоровье.

– Я протестую против вашего намека на то, что меня можно подкупить при помощи еды, – с достоинством заявил Томас.

– Это не намек, – возразила Сьюзен. – Он сказал об этом совершенно прямо и откровенно.

– Вы выиграли в лотерею никудышного соседа по комнате, – обратился ко мне Гарри, перекладывая два куса бекона Томасу, который принял их с совершенно серьезным

лицом, – зато у меня все оказалось в порядке. Алан – физик-теоретик. Настолько умный, что дальше некуда.

– И умопомрачительно красивый, – съязвила Сьюзен.

– Спасибо, что запомнили эту немаловажную подробность, – поклонился Алан.

– Похоже, что за этим столом собрались достаточно разумные совершеннолетние люди, – заметил Гарри. – Так что, по вашему мнению, для нас предусмотрели на сегодня?

– У меня в восемь ноль-ноль медицинский осмотр, – ответил я. – Думаю, что и у остальных то же самое.

– Верно, – согласился Гарри. – Но я спрашиваю, что, по-вашему, все это может означать. Вы считаете, что сегодня стартует терапия омоложения? Или сегодня мы, если можно так выразиться, начнем переставать быть старыми?

– Мы не знаем, что перестанем быть старыми, – ответил Томас. – Мы все предполагаем это, так как считаем, что солдаты должны быть молодыми. Но задумайтесь вот о чем. Никто из нас никогда не видел ни одного колониального солдата. Мы лишь гадаем, и все наши догадки могут быть совершенно ошибочными.

– А какой толк может быть от солдат-стариков? – осведомился Алан. – Если они намерены выставить меня на поле боя, то даже представить себе не могу, какая от меня может быть польза. У меня больная спина. Пока мы вчера шли от платформы до посадочных ворот, я чуть не сдох от боли. Поэтому я не в состоянии вообразить, как буду маршировать

двадцать миль с рюкзаком и оружием.

– Нас, несомненно, ждет какой-нибудь ремонт, – сказал Томас. – Но это вовсе не значит снова стать «молодым». В конце концов, я врач и кое-что в этом понимаю. Можно заставить человеческое тело работать лучше и показывать высокую функциональность даже в преклонные годы, но каждый возраст имеет некоторые базовые ограничения. Семидесятипятилетнее тело несравненно менее быстрое, менее гибкое и обладает худшей восстановительной способностью. Действительно, оно все еще способно на некоторые поистине удивительные вещи. Не подумайте, что я хвастаюсь, но мне хочется, чтобы вы знали: там, на Земле, я регулярно участвовал в забегах на десять километров. Последний раз я бежал менее месяца тому назад. И показал время лучше, чем в пятьдесят пять лет.

– А что вы собой представляли в пятьдесят пять? – спросил я.

– Вопрос в самую точку, – ответил Томас. – Если честно, то в пятьдесят пять я был жирным лентяем. Чтобы заставить меня серьезно относиться к собственному здоровью, потребовалось пересадить сердце. Но я говорю лишь о том, что хорошо функционирующий семидесятипятилетний организм на самом деле может сделать очень многое, не будучи по-настоящему «молодым», а всего лишь находясь в отличной форме. Не исключено, что для этой армии не требуется ничего большего. Мы же не знаем: может быть, все остальные

разумные расы во Вселенной – ничемные слабаки. Если исходить из такого предположения, то, как это ни дико звучит, оказывается, что иметь солдат-стариков более выгодно, поскольку молодые люди полезнее в обществе. Перед ними еще целые жизни, в то время как мы – уже отработанный материал.

– Если это предположение верно, то, возможно, мы так и останемся стариками, но будем при этом здоровыми – по-настоящему здоровыми, – задумчиво произнес Гарри.

– Об этом я и говорю, – отозвался Томас.

– Ну так перестаньте говорить об этом, вы меня расстраиваете, – потребовал Гарри.

– Я заткнусь, если вы отдадите мне ваш сок, – нахально заявил Томас.

– Даже если из нас сделают высокофункциональных семидесятипятилетних стариков, как вы говорите, – вмешалась Сюэзен, – мы все равно будем продолжать стареть. Через пять лет мы превратимся в высокофункциональных восьмидесятилетних стариков. А это и будет верхним пределом нашей полноценности в качестве солдат.

Томас пожал плечами.

– В наших контрактах говорится о двух годах. Возможно, им будет достаточно поддерживать нас в рабочем состоянии лишь на протяжении этого срока. Разница между семьюдесятью пятью и семьюдесятью семью годами не столь велика, как между семьюдесятью пятью и восьмьюдесятью. Или даже

между семьюдесятью семью и восьмьюдесятью. Каждый год к ним приходят сотни тысяч таких, как мы. Через два года они смогут преспокойно заменить нас свежими новобранцами.

– Нас могут продержат на службе до десяти лет, – сказал я. – Это напечатано черным по белому. Из этого явственно следует, что они располагают технологией, которая позволит нам сохранить работоспособность на протяжении этого периода времени.

– К тому же у них хранятся образцы нашей ДНК, – добавил Гарри. – Возможно, они будут клонировать для нас запчасти или делать еще что-то в этом роде.

– Вы правы, – признал Томас. – Но пересадка отдельных органов, костей, мускулов и нервов из клонированных тел в наши – чрезвычайно кропотливая работа. А ведь им еще придется возиться с нашими мозгами, которые пересадить нельзя.

Томас наконец поднял голову от тарелки и сообразил, что вогнал всех своих сотрапезников в тоску.

– Я не утверждаю, что нас не сделают снова молодыми, – сказал он. – Просто все, что мы успели увидеть на этом корабле, убеждает меня, что Союз колоний обладает намного более совершенной технологией, нежели та, какая когда-либо имелаась у нас дома. Но как доктор медицины я не в силах понять, каким образом им удастся обратить вспять процесс старения, да еще настолько радикально, как мы этого от них

ожидаем.

– Энтропия – сука! – заявил Алан. – У нас есть теории насчет того, как обратить ее вспять.

– Я вижу одно доказательство, и, на мой взгляд, довольно веское, того, что они каким-то образом улучшат наше состояние, – сказал я.

– Ну-ка, быстро выкладывайте, – потребовал Гарри. – Теория Тома насчет того, что мы вольемся в самую старую армию Галактики, портит мне аппетит.

– В аппетите как раз все дело, – ответил я. – Если бы они не знали, как поддерживать наши тела в хорошей форме, то не кормили бы нас блюдами с таким количеством жиров, какое может за месяц вогнать в гроб чуть ли не любого из нас.

– Очень верно, – согласилась Сьюзен. – Вы это очень хорошо подметили, Джон. Я уже почувствовала себя значительно лучше.

– Благодарю вас, – сказал я. – И, основываясь на этом доказательстве, я обрел такую веру в способность Сил самообороны колоний излечить меня от всех моих бед, что сейчас пойду за добавкой.

– Заодно принесите и мне пару порций блинов, – попросил Томас.

– Эй, Леон, – сказал я, попытавшись встряхнуть дряблую тушу. – Вставайте. Хватит спать. У вас назначение на восемь часов.

Леон лежал на кровати неподвижно, как каменная глыба. Я воздел глаза к небу (вернее, к потолку каюты), вздохнул и наклонился, чтобы толкнуть его посильнее. И тут заметил, что губы его посинели.

«Этого только не хватало!» – воскликнул я про себя и еще раз потряс его. Безрезультатно. Тогда я подхватил его под мышки и попытался (успешно) стащить с койки на пол. Это больше всего походило на перетаскивание мешка.

Схватив мой ЭЗК, я потребовал прислать медицинскую помощь, а сам опустился на колени и принялся нажимать на грудную клетку, время от времени вдывая воздух в рот. Я продолжал это занятие, пока меня не сменили двое медиков колониальной службы.

К тому времени перед открытой дверью собралась маленькая толпа. Я разглядел Джесси и ввел ее в каюту. Она увидела Леона на полу и быстро прикрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Я поспешно приобнял ее за плечи.

– Как он? – спросил я у одного из колониальщиков, который о чем-то консультировался со своей ЭЗК.

– Он мертв, – ответил тот. – Мертв уже около часа. Похоже на сердечный приступ. – Он закрыл крышку ЭЗК и встал, глядя на Леона сверху вниз.

– Вот бедалага! Забраться так далеко только для того, чтобы помереть буквально в самый последний момент!

– Последний доброволец в Бригаду призраков, – добавил другой колониальщик.

Я в упор взглянул ему в глаза. Мне показалось, что подобная шутка над еще теплым трупом отдавала крайним безвкусием.

– Так... давайте посмотрим, – сказал доктор и взглянул на экран своей огромной, по сравнению с моей, ЭЗК. – Вы Джон Перри, верно?

– Верно, – согласился я.

– А я доктор Расселл, – представился он и повнимательнее всмотрелся в меня. – Судя по вашему виду, можно подумать, что у вас только что умерла любимая собака.

– На самом деле, – ответил я, – это был мой сосед по каюте.

– Ах да, – спокойно сказал он, снова посмотрев на свою ЭЗК. – Леон Дик. Он должен был прийти ко мне сразу после вас. Получается, что у нас дыра в графике. В таком случае давайте исправим список. – Он несколько секунд водил стилусом по экрану ЭЗК, а потом вскинул голову и широко улыбнулся мне. Врачебного такта у доктора Расселла было явно маловато.

– Что ж, теперь займемся вами.

В кабинете располагались сам доктор Расселл, я, кресло для доктора, маленький столик и две какие-то капсулы, похожие на саркофаги. Контуры саркофагов грубо повторяли очертания человеческого тела, каждый из них имел изогнутую прозрачную дверцу, края которой были обведены широкой полосой. Над капсулами торчали аппараты, похожие

на руку, держащую перевернутую чашу. Чаша выглядела достаточно большой, чтобы ее можно было надеть на человеческую голову. И, честно признаться, это меня изрядно нервировало.

– Прошу вас, проходите сюда, устраивайтесь поудобнее, и начнем, – сказал доктор Расселл, открывая дверцу того саркофага, к которому я стоял ближе.

– Мне нужно что-нибудь снять? – спросил я. Насколько я помнил, при медицинских обследованиях врачи всегда норовили осмотреть хотя бы мой торс.

– Нет, – ответил он. – Но если вам так будет удобнее, то валяйте, раздевайтесь.

– А что, кто-нибудь действительно раздевается, несмотря на то, что это не нужно? – любопытствовал я.

– Вообще-то да, – ответил врач. – Когда накрепко привыкаешь к определенной схеме поведения, трудно начать вести себя по-другому.

Я раздеваться не стал, только положил мою ЭЗК на стол, направился к саркофагу и улегся. Доктор Расселл закрыл дверцу и отступил назад.

– Сохраняйте неподвижность несколько секунд, а я тем временем подгоню размеры, – сказал он и ткнул пальцем в свою ЭЗК.

Я почувствовал, как то, что окружало мое тело, слегка зашевелилось, а затем облепило меня плотно, словно поношенная одежда.

– Довольно жутко, – заметил я.

Доктор Расселл улыбнулся.

– Вы сейчас почувствуете легкую вибрацию, – предупредил он.

– Скажите, – спросил я, когда саркофаг чуть слышно загудел, – а те, другие люди, которые находились в комнате вместе со мной, куда они отправились после того, как побывали здесь?

– Вон в ту дверь. – Он указал рукой себе за спину, не отрывая взгляда от экрана. – Там расположена зона восстановления.

– Восстановления?

– Не тревожьтесь, – успокоил меня Расселл, – я всего лишь не договорил одно слово: восстановления сил. Между тем мы с вами уже почти закончили.

Он снова потыкал в свою ЭЗК, и вибрация прекратилась.

– Что я теперь должен делать?

– Лежите спокойно, только и всего, – ответил доктор Расселл. – Нам осталось сделать совсем немного, а потом нужно будет вкратце обсудить результаты вашего обследования.

– Вы хотите сказать, что они уже готовы? – удивился я.

– Современная медицина просто замечательна, или вы не согласны со мной? – Он показал мне экран ЭЗК, покрытый текстом, являвшимся, по всей вероятности, описанием результатов моего обследования. – Даже не нужно высовывать язык и говорить: «А-а-а».

– Да, но насколько детальным оно получается?

– Достаточно детальным, – сказал он. – Мистер Перри, когда вы в последний раз проходили медицинское обследование?

– Где-то с полгода назад.

– И каким был прогноз вашего доктора?

– Он сказал, что я в прекрасной форме, не считая разве что немного повышенного кровяного давления. А в чем дело?

– Что ж, в основном он прав, – сказал доктор Расселл, – хотя он, похоже, не заметил раковой опухоли на яичке.

– Прошу прощения... – Услышав эти слова, я совсем оторопел.

Доктор Расселл повернул свой компьютер. На экране появилось изображение моих гениталий, раскрашенное в неестественно контрастные цвета. Впервые в жизни я увидел собственные причиндалы прямо у себя перед носом.

– Вот, – сказал он, указывая на темное пятно на левом яичке, – ярко выраженное уплотнение. Довольно большой узел, между прочим. Так вот, это рак.

Я впился взглядом в словоохотливого медика.

– Вы знаете, доктор Расселл, большинство врачей изыскали бы более тактичный способ сообщить такую новость.

– Прошу прощения, мистер Перри, – жизнерадостно откликнулся доктор. – Я вовсе не хочу показаться вам излишне беззаботным. Но эта патология не представляет собой ника-

кой проблемы. Даже на Земле рак яичек легко излечивается, особенно на ранних стадиях вроде вашей. В самом худшем случае вам пришлось бы потерять яичко, но и это тоже совершенно не беда.

– Только в том случае, если у вас никогда не было яиц, – прорычал я.

– Это скорее психологическая проблема, – возразил доктор Расселл. – Но как бы там ни было, я не хочу, чтобы вы здесь и сейчас тревожились на этот счет. Через несколько дней вы пройдете всестороннюю физическую перестройку, и тогда мы разберемся с вашим яичком. Ну а пока что у вас не должно быть никаких проблем. Рак полностью локализован. Он не распространился ни на лимфатические узлы, ни тем более на легкие. Можно смело сказать, что вы в полном порядке.

– Но все-таки яйцо у меня останется или я останусь без него? – спросил я, даже не обратив внимания на каламбур.

Доктор Расселл улыбнулся.

– Я думаю, вам можно за него не беспокоиться, – сказал он. – Подозреваю, что возможность лишиться яичка некоторое время будет занимать далеко не первое место среди ваших проблем. Я повторяю, если не считать рака, который сейчас совершенно не опасен, вы находитесь в наилучшей форме, доступной для любого мужчины вашего физического возраста. Это хорошая новость: нам пока что не придется подвергать вас никаким дополнительным процедурам.

– А что вы сделали бы, если бы нашли что-нибудь действительно нехорошее? – спросил я. – Ну, скажем, если бы рак оказался смертельным?

– «Смертельный» – это не очень точный термин, мистер Перри, – ответил доктор Расселл. – В конечном счете финал каждой жизни – смерть. В случае выявления запущенного заболевания на угрожающей стадии мы принимаем определенные меры, чтобы привести людей в стабильное состояние, в котором они наверняка проживут несколько следующих дней. Случай с вашим несчастным соседом мистером Диком не так уж необычен. У нас время от времени попадают новобранцы, которые добираются сюда только для того, чтобы умереть как раз перед тем, как избавиться от своей болезни. Никому из нас это не идет на пользу.

Доктор Расселл быстро пролистал какой-то текст на экране ЭЗК.

– Что касается случая с мистером Диком, умершим от острой сердечной недостаточности, мы, по всей вероятности, должны были бы очистить его артерии от склеротических бляшек и укрепить стенки сосудов, чтобы предотвратить разрывы. Такова наша обычная практика. Семидесятипятилетним артериям в большинстве случаев не вредно получить некоторую поддержку. В вашем случае, если бы вы имели запущенный, опасный для жизни рак, мы резецировали бы опухоль до такого состояния, при котором она не представляла бы непосредственной опасности для ваших жиз-

ненных функций. А также укрепили бы затронутые места, чтобы точно знать, что в ближайшие несколько дней у вас не будет никаких серьезных проблем.

– Но почему бы вам просто не вылечить его? – не отступал я. – Если вы можете «укрепить» затронутые места, то я несколько не сомневаюсь, что вам не составит труда полностью избавить меня от этого рака.

– Мы, конечно, можем, но в этом нет никакой необходимости, – терпеливо объяснил доктор Расселл. – Через несколько дней вам предстоит практически всесторонняя перестройка. Мы должны всего лишь помочь вам дожить до нее.

– А что все-таки означает эта ваша «всесторонняя перестройка»? – продолжал допытываться я.

– Она означает, что, когда она будет совершена, вы будете удивляться, с какой это стати вас могло волновать какое-то жалкое раковое пятнышко на яичке, – непонятно объяснил доктор. – Это я вам обещаю. А теперь нам осталось сделать всего лишь одну вещь. Приподнимите голову, пожалуйста.

Я повиновался. Доктор Расселл наклонился и надвинул пугавшую меня чашу, прикрепленную к механической руке, мне на голову.

– В течение следующих нескольких дней для нас будет важно получать четкую картину вашей мозговой деятельности, – сказал он, отступая назад. – Чтобы обеспечить это, я сейчас внедряю в ваш череп множество датчиков.

Говоря это, он водил пальцами по своему экрану, который опять отвернул от меня. Я же наблюдал за его действиями с нарастающим недоверием. С негромким чавкающим звуком чаша прижалась вплотную к моему черепу.

– Как вы это сделаете? – спросил я.

– Ну... Прямо сейчас вы, вероятно, чувствуете своим скальпом и в районе основания черепа легкую щекотку. Это происходит позиционирование инжекторов. Они похожи на небольшие иглы для инъекций, и через них будут вводиться датчики. Сами датчики очень малы, зато их много. Приблизительно тысяч двадцать, чуть больше или чуть меньше. Не волнуйтесь, они самостерилизующиеся.

– А это будет больно?

– Не так чтобы... – произнес доктор и ткнул одним пальцем в экран своей ЭЗК.

Двадцать тысяч микродатчиков врубались в мой череп. Вероятно, точно такую же боль я почувствовал бы от одновременных ударов по голове обухами четырех топоров.

– Будьте вы прокляты!

Я попытался схватиться за голову, но мои руки уперлись в дверцу саркофага.

– Сукин сын, – заорал я. – Вы же сказали, что больно не будет!

– Я сказал: «Не так чтобы очень», – поправил меня доктор Расселл.

– По сравнению с чем? С тем, что бывает, когда на голову

наступит слон?

– Не так, как бывает, пока датчики соединяются друг с другом, – соизволил ответить доктор Расселл. – Зато есть и приятная для вас новость: как только они соединятся, боль прекратится. А теперь потерпите. Это займет примерно минуту.

Он снова склонился к ЭЗК. Мой череп начали буравить самое меньшее восемьдесят тысяч иголок.

Еще никогда в жизни мне так не хотелось избить своего врача.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво произнес Гарри. – Лично мне кажется, что это интересное мнение.

Он почесывал голову, которая, как и у всех нас, теперь сделалась пепельно-седой из-за того, что в ней сидели двадцать тысяч подкожных датчиков, наблюдавших за деятельностью мозга.

Группа, собравшаяся за завтраком, воссоединилась во время ланча, к тому же усиленная Джесси и ее соседкой Мэгги. Гарри объявил, что мы теперь представляем собой официальный клуб под названием «Старые пердуны», и потребовал немедленно начать кидаться едой в сидевших за соседним столом. Его предложение было провалено в немалой степени усилиями Томаса, который заметил, что любой кусок еды, брошенный в соседей, уже невозможно съесть, а ведь ланч был еще лучше, чем завтрак, если такое вообще возможно.

– И это очень, очень хорошо, – добавил Томас. – После той небольшой инъекции в мозг, которую мне сделали утром, я так перепугался, что почти не мог есть.

– Не могу представить себе такого, – откликнулась Сюзен.

– Я сказал: «Почти». Но вот о чем я по-настоящему жалею, так это о том, что у меня дома не было одного из таких гробов. Тогда я смог бы на восемьдесят процентов сократить время приема. Гораздо больше оставалось бы на гольф.

– Ваша преданность пациентам прямо-таки потрясает, – съязвила Джесси.

– Пф-ф-ф, – фыркнул Томас. – Я играл в гольф как раз с большинством из них. Им всем эта штука очень понравилась бы. И хотя мне больно в этом признаваться, я должен сказать, что она позволила моему доктору провести гораздо лучшее обследование, чем это когда-либо удавалось мне. Этот ящик – мечта диагноста. Он отыскал у меня микроскопическую опухоль на поджелудочной железе. Дома я никоим образом не смог бы ее обнаружить до тех пор, пока она не разрослась бы во много раз или же пока у пациента не начали бы проявляться симптомы. Кого еще они сумели чем-нибудь удивить?

– Рак легкого, – сказал Гарри. – Небольшие узелки.

– Множественная киста яичника, – сообщила Джесси.

Мэгги закивала: у нее было то же самое.

Ревматический артрит на начальной стадии оказался у

Алана.

– Рак яичка, – сказал я.

Все мужчины, сидевшие за столом, содрогнулись.

– Ничего себе! – воскликнул Томас.

– Мне сказали, что я буду жить, – успокоил их я.

– Вас только будет перекашивать набок во время ходьбы, – радостно объявила Сьюзен.

– Пожалуй, хватит об этом, – попросил я.

– Я совершенно не понимаю, почему они не скрывают от нас наши проблемы, – возмутилась Джесси. – Доктор показал мне кисту размером с детский мячик и сказал, чтобы я не переживала из-за этой ерунды. Хотя лично я не думаю, что мне это удастся.

– Томас, вы вроде бы доктор. – Сьюзен постучала себя по лбу, верхняя половина которого имела светло-серый оттенок. – Для чего они напичкали наши головы этой мелкой пакостью? Почему нельзя было просто сделать мозговое сканирование?

– Предположительно – а мне не остается ничего иного, как только предполагать, потому что никаких фактов я не имею, – я бы сказал, что они хотят детально рассмотреть наши мозги в процессе их действия, пока мы будем проходить обучение. Но они не могут сделать это, держа нас привязанными к машине, и потому привязывают машины к нам.

– Спасибо за прекрасное объяснение того, что я и сама прекрасно понимаю. – Сьюзен была той еще язвой. – Я-то

спрашивала, для какой цели могут проводиться эти измерения.

– Я не знаю, – сознался Томас. – Возможно, они в конце концов всобачат нам новые мозги. А может быть, добавят нового мозгового вещества. Нужно, видимо, выяснить, какие места в наших головах требуют ремонта. Я только надеюсь, что им не понадобится вставлять еще один комплект этих проклятых иголок. Уже в первый раз я чуть не умер от боли.

– Кстати, – сказал Алан, поворачиваясь ко мне, – я слышал, что сегодня утром умер ваш сосед по комнате. Вы в порядке?

– Я-то в порядке, – сказал я. – Хотя это, конечно, тяжело. Мой доктор сказал, что если бы он сумел этим утром выполнить свои назначения, то парень остался бы жить. У него устранили бы из сосудов склеротические бляшки или что-то еще в этом роде. Я чувствую себя виноватым в том, что не постарался заставить его встать на завтрак. В таком случае он, вероятно, благодаря движению смог бы дожить до начала процедуры.

– Не вините себя, – посоветовал Томас. – Вы никак не могли предвидеть, что такое случится. Люди часто умирают скоропостижно.

– Конечно, но не за несколько дней до «всесторонней перестройки», как выразился доктор.

– Не хочу показаться циничным или бесчувственным... – вмешался Гарри.

– Но всем сразу ясно, что вы собираетесь сказать какую-нибудь гадость, – перебила его Сьюзен.

– ...Но когда я учился в колледже, – продолжил Гарри, швырнув в Сьюзен куском хлеба, – если у кого-то умирал сосед по комнате, ему обычно разрешали не сдавать следующую сессию. Понимаете ли – психологическая травма.

– И, что самое странное, сосед по комнате тоже освобожден от сессии, – развлекалась Сьюзен. – Причем фактически по той же самой причине.

– Никогда не думал об этом с такой точки зрения, – немного озадаченно заметил Гарри. – И все равно они могли бы позволить вам пропустить сегодняшние процедуры.

– Сомневаюсь в этом, – сказал я. – Но даже если бы они это сделали, то я отказался бы. Чем бы я в этом случае занимался, а? Сидел бы целый день в каюте? А ведь там, между прочим, только что умер человек.

– Вы, наверно, можете переехать, – предположила Джесси. – Может быть, сегодня ночью умер еще чей-то сосед.

– Довольно неприятная мысль, – заметил я. – И кроме всего прочего я не хочу переезжать. Мне, конечно, жаль, что Леон умер. Но зато теперь я остался в каюте один.

– Мне кажется, процесс выздоровления уже начался, – заметил Алан.

– Я всего лишь пытаюсь отвлечься от боли, – ответил я.

– А вы не слишком любите болтать, ведь правда? – неожиданно обратилась Сьюзен к Мэгги.

– Да, – согласилась Мэгги.

– Эй, а у кого что дальше по расписанию? – спросила Джесси.

Все потянулись к своим ЭЗК, но тут же остановились – почему-то с виноватым видом.

– Давайте будем относиться ко всему этому как старшеклассники, которым остается несколько дней до экзаменов, – предложила Сьюзен.

– Ладно, черт возьми! – воскликнул Гарри и решительным движением распахнул свою ЭЗК. – Мы уже образовали объединенный клуб. Почему бы нам и не продолжать в том же духе?

Выяснилось, что на первое назначение нам с Гарри предстояло отправиться вместе. Мы явились в конференц-зал, где стояло множество столов и стульев.

– Черт возьми, – выругался Гарри, когда нам указали наши места. – Мы и впрямь вернулись в школу.

Сходство довершила вошедшая в зал женщина в форме колониальщика.

– Сейчас вы подвергнетесь проверке базовых языковых и математических навыков, – объявила инспекторша. – Первое задание уже загружено в ваши ЭЗК. Это тест, состоящий из множества вопросов. Постарайтесь за тридцать минут дать максимальное количество ответов. Если уложитесь до истечения срока, пожалуйста, сидите спокойно. Можете еще раз проверить написанное. Прошу вас не совещаться с другими

испытываемыми. А теперь можно начинать.

Я посмотрел на экран ЭЗК. На нем высветился вопрос о совпадении или несовпадении смысла двух слов.

– Вы, наверно, шутите, – произнес я вслух.

Кое-кто в комнате захихикал.

Гарри поднял руку.

– Скажите, мэм, – обратился он к колониальщице, – а сколько очков я должен набрать, чтобы меня приняли в Гарвард?

– Я не первый раз слышу такие вопросы, – холодно отрезала женщина. – Теперь, будьте любезны, успокойтесь и займитесь своими тестами.

– Шестидесять лет ждал возможности улучшить оценку по математике, – проворчал Гарри. – Что ж, посмотрим, как это у меня получится.

Второе задание оказалось еще хуже.

– Пожалуйста, следите за белым квадратом. Двигаются только глаза, а не головы.

Другой колониальщик потушил свет в комнате. Шестидесять пар глаз уставились на белый квадрат на стене. Он медленно пополз в сторону.

– Не могу поверить, что я отправился в космос, чтобы заниматься вот этим, – негромко сказал мне Гарри.

– Возможно, дела еще поправятся, – обнадежил я. – Если повезет, мы сможем увидеть еще один белый квадрат.

Словно в ответ на мои слова, на стене появился второй белый квадрат.

– Сознайтесь, ведь вы уже были здесь, не так ли? – сказал Гарри.

Позднее нас с Гарри разделили, и я действовал уже в одиночку.

В первой же комнате, куда я попал, мне предложили кучку детских кубиков.

– Пожалуйста, постройте из них домик, – обратилась ко мне очередная экзаменаторша.

– Только если мне за это дадут лишний пакетик сока, – заявил я.

– Я подумаю, что можно для вас сделать, – серьезно ответила колониальщица.

Я построил дом из кубиков и перешел в следующую комнату, где другой служащий, на сей раз мужчина, дал мне лист бумаги и ручку.

– Попробуйте добраться до выхода из лабиринта, начав с середины.

– Господи помилуй! – возмутился я. – Да ведь это способ-на сделать самая тупая крыса, даже если ее до ушей накачать наркотиками.

– Будем надеяться, что вы правы, – без тени юмора согласился колониальщик, – но все же давайте посмотрим, как это сделаете вы.

Я повиновался.

В следующей комнате мне предложили называть цифры и буквы.

В конце концов я отказался от попыток понять, зачем они заставляли меня делать то или другое, и безропотно выполнял все задания.

Позже, уже ближе к вечеру, меня ждало сильнейшее потрясение.

– Я прочитал ваше досье, – сказал молодой человек, настолько тощий, что, казалось, любой сильный порыв ветра может унести его, как бумажного змея.

– И что же?

– Там написано, что вы были женаты.

– Был.

– И вам это нравится? Быть женатым?

– Несомненно. Это куда лучше альтернативного варианта. Колониальщик ухмыльнулся.

– Так что же случилось? Разбежались? Слишком часто ходили налево?

Может быть, этот парень и обладал какими-то достоинствами, но уже через несколько секунд нашего разговора я решил, что их просто не может быть.

– Она мертва, – сказал я.

– Неужто? И как же это произошло?

– Инсульт.

– Инсульт – это хорошо, – заявил колониальщик. – Бац, и у тебя в черепушке кровавой пудинг из мозгов. Хорошо, что она его не пережила. Сейчас она, знаете ли, торчала бы в постели, как этакая вот жирная репа в грядке. И вам только и было бы заботы, что кормить ее через трубочку.

Он громко чмокнул губами.

Я ничего не мог сказать. Часть моего сознания прикидывала, насколько быстро мне удастся метнуться вперед и свернуть ему шею, но большая часть моего «я» оставалась прикованной к месту в слепом шоке и гневe. Я просто не мог поверить своим ушам.

Еще какая-то глубинная часть разума подсказала мне, что необходимо начать дышать, а не то я очень скоро потеряю сознание.

ЭЗК колониальщика внезапно громко запищала.

– Хорошо, – сказал он и быстро встал с места. – Все закончено. Мистер Перри, позвольте мне принести извинения за комментарии, которые я сейчас сделал по поводу смерти вашей жены. Моя работа заключается в том, чтобы как можно быстрее привести новобранца в состояние сильнейшей ярости. Имеющиеся у нас психологические модели показали, что вы наиболее негативно отреагируете на замечания, подобные тем, какие я только что сделал. Пожалуйста, поймите, что по собственной воле я никогда не стал бы говорить такие гадости о вашей покойной супруге.

Несколько секунд я лишь моргал, тупо глядя на него, а

потом взревел:

– Неужели эта мерзкая, гнусная болтовня была всего лишь тестом? Да какой извращенный ублюдок мог такое придумать?!

– Я согласен, что по моей вине вы испытали чрезвычайно неприятные ощущения, и еще раз прошу прощения. Я всего лишь исполняю свои обязанности и ничего больше.

– Боже мой! – пробормотал я. – Вы хотя бы представляете себе, насколько я был близок к тому, чтобы сломать вашу поганую шею?

– Если говорить честно, то да, – ответил мужчина совершенно спокойным, ровным голосом, по которому нетрудно было заключить, что он на самом деле все понимал. – Моя ЭЗК, отслеживавшая ваши сознательные и подсознательные реакции, подала звуковой сигнал как раз перед тем, как вы готовы были прибегнуть к насилию. Но я и без нее держал все под контролем. Ведь я постоянно этим занимаюсь и знаю, чего следует ожидать.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы отойти от приступа гнева.

– И такое вы проделываете с каждым новичком? – изумился я. – Как же получилось, что вы все еще живы?

– Я понимаю ваш вопрос. Видите ли, меня выбрали для этого задания еще и из-за внешности – мало кто из обследуемых сомневается в том, что способен в любой момент разделаться со мной. Я исполняю роль мелкого поганца и при-

манки. На самом-то деле я способен утихомирить каждого испытуемого, если он поведет себя по-настоящему агрессивно. Хотя обычно такой необходимости не возникает. Как я вам уже сказал, у меня большой опыт.

– Не слишком хорошая у вас работа, – заметил я. Мне наконец удалось вернуться к рациональному взгляду на мир.

– Согласен, это грязная работа, но кто-то же должен ее выполнять, – объяснил колониальщик. – К тому же я нахожу ее небезынтересной. У каждого новобранца есть пунктик, заставляющий его или ее завестись с пол-оборота. Моя работа чрезвычайно утомительная и непростая. И далеко не каждый человек для нее годится.

– Готов держать пари, что вы не пользуетесь популярностью в барах. – Я усмехнулся.

– Если говорить честно, меня обычно считают душой компании. Естественно, когда я не довожу совершенно сознательно людей до белого каления, как только что поступил с вами. Что ж, мистер Перри, наша с вами работа закончена. Так что будьте любезны пройти через дверь, что справа от вас, и приступить к следующей процедуре.

– Надеюсь, там меня не доведут до головокружения или чего-нибудь похуже?

– Голова у вас закружится, пожалуй, может, – ответил колониальщик, – но виноваты в этом будете только вы сами. А мы всего лишь проводим психофизиологические тесты.

Я шагнул к двери, но тут же остановился.

– Я понимаю, что вы всего лишь выполняете свои обязанности, но мне все же хочется, чтобы вы знали. Моя жена была замечательным человеком. Она заслуживает лучшего, чем такое вот циничное использование.

– Я знаю это, мистер Перри, – заверил психолог-провока-
тор. – Я знаю это совершенно точно.

В следующем помещении чрезвычайно хорошенькая молодая леди, которая почему-то оказалась совершенно голой, попросила меня рассказать ей все, что мне удастся вспомнить о том, как праздновали мой седьмой день рождения.

– Не могу поверить, что они показали нам этот фильм перед обедом, – возмущалась Джесси.

– На самом деле это было не перед обедом, – ответил Томас. – Мультфильм про «Баггса Банни» мы посмотрели уже после еды. Но, так или иначе, это было не так уж плохо.

– Конечно, мистер доктор, может быть, у вас кинофильм о том, как хирурги копаются в кишках, и не вызывает отвращения, но всем остальным он доставил крайне мало удовольствия, – состроила недовольную гримаску Джесси.

– Должен ли я сделать из ваших слов вывод, что вы не станете есть эти ребрышки? – осведомился Томас, для большей убедительности занося вилку над ее тарелкой.

– Кому-нибудь пришлось рассказывать голой женщине подробности о своем детстве? – поинтересовался я.

– У меня был мужчина, – ответила Сьюзен.

– Женщина, – подал голос Гарри.

– Мужчина, – отозвалась Джесси.

– Женщина, – сообщил Томас.

– Мужчина, – заявил Алан.

Все посмотрели на него.

– А что? – удивился Алан. – Я гей.

– И какой же в этом смысл? – Моему недоумению не было конца. – Я имею в виду не в том, что Алан – гей, а в беседе с голым человеком.

– Благодарю, – сухо отозвался Алан.

– Они пытались спровоцировать непосредственные реакции, только и всего, – уверенно заявил Гарри. – Все сегодняшние тесты касались первичных умственных или эмоциональных реакций, на которых, в свою очередь, базируются более сложные и тонкие эмоции, равно как и интеллектуальные способности. Они лишь пытаются выяснить, каким образом мы спонтанно думаем и поступаем. Голый человек, несомненно, должен был спровоцировать какие-то сексуальные отклики.

– Но ради чего было устроено это интервью насчет детства? – допытывался я.

Гарри пожал плечами.

– Разве может быть нормальный секс без хотя бы легкого чувства вины?

– Не знаю, как вас, а меня этот парень совершенно вывел из себя, – сообщил Томас. – Клянусь, еще немного – и я раз-

можил бы ему башку. Представляете, он заявил, что «Кабз» еще два века не выиграют ни одного чемпионата мировой серии, а потом и вовсе вылетят в малую лигу!

– По-моему, это вполне обоснованный прогноз, – заявила Сьюзен.

– Только вы-то не начинайте, – взмолился Томас. – Люди, уж мне-то вы можете поверить: ставьте на «Кабз» и точно не прогадаете.

Если весь первый день был отведен для подвигов на интеллектуальной ниве, то второй посвятили испытанию силы или ее отсутствия.

– Вот вам мяч, – сказал один из колониальщиков. – Пните его посильнее.

Я пнул. Затем мне позволили отправиться дальше.

Я словно прогуливался по небольшому стадиону. Сначала меня попросили немного пробежать, потом сделать несколько гимнастических упражнений. Я сыграл в видеоигру, выстрелил в висевшую на стене мишень из светового ружья. Наконец, я поплавал. Это мне понравилось больше всего: я всегда любил плавать, лишь бы не погружать голову под воду. На пару часов меня оставили в комнате отдыха, где находилось еще несколько дюжин человек. Я сгонял партию на бильярде. Поиграл в пинг-понг. Да простит меня Господь, но я поиграл даже в шаффлбординг³.

---

³ Шаффлбординг – игра, в которой стоящие игроки толкают или передвигают

Ни одно из этих занятий не вышибло из меня даже капли пота.

– Что это за дурацкая такая армия, черт возьми? – спросил я у «Старых пердунов» за ланчем.

– В этом гораздо больше смысла, чем можно предположить, – ответил, естественно, Гарри. – Вчера они изучали устройство наших мыслительной и эмоциональной сфер. Сегодня мы двигаемся без остановки. И мне снова кажется, что они интересуются той базой, на которой основывается сложная двигательная активность.

– Никогда не думал, что пинг-понг можно отнести к сложной физической активности, – огрызнулся я, поскольку не мог до конца понять, шутит он или говорит серьезно.

– Координация между зрением и двигательной мускулатурой, – пояснил Гарри. – Расчет времени. Точность.

– Конечно, никто не знает заранее, когда ему придется отбить летящую в него гранату, – вставил Алан.

– Совершенно верно, – согласился Гарри. – Кстати, а чего вы хотели? Чтобы нас заставили бежать марафон? Да мы все попадали бы замертво еще до конца первой мили.

– Не судите о других по себе, слабак! – возмутился Томас.

– Мне сообщили уточненные данные, – произнес Гарри голосом телекомментатора. – Наш друг Томас успеет до разрыва сердца пробежать почти шесть миль. Если только его

длинными киями деревянные или пластмассовые диски на пронумерованные выигрышные поля, размеченные на полу или специальной доске.

раньше не скрутят судороги от переедания.

– Не говорите глупостей, – все так же энергично запротестовал Томас. – Всем известно, что перед забегом нужно как следует запастись энергией, а для этого лучше всего подходят углеводы. Вот потому-то я и схожу за порцией феттучини⁴.

– Но ведь вам не нужно бежать марафон, Томас, – окликнула его Сьюзен.

– День еще не кончился, – возразил тот.

– Что касается меня, – сказала Джесси, – то мой график исчерпан. И до конца дня у меня ничего не запланировано. А на завтра записано: «Завершающие физические усовершенствования» с шести до двенадцати и общее собрание новобранцев в двадцать ноль-ноль, после обеда.

– И у меня до завтра тоже ничего не предусмотрено, – ответил я.

Быстрого взгляда на соседей по столу хватило, чтобы понять, что их сегодняшняя программа тоже завершена.

– Как же мы будем развлекаться?

– Можно поиграть в шаффлбординг, – предложила Сьюзен.

– У меня идея получше, – заявил Гарри. – У кого-нибудь уже есть планы на пятнадцать часов?

Все покачали головами.

– Вот и чудненько, – сказал Гарри. – В таком случае встретимся здесь же. Я предлагаю «Старым пердунам» совершить

---

⁴ Феттучини – итальянское блюдо из макарон (пасты).

небольшую экскурсию.

– А нам можно здесь находиться? – настороженно спросила Джесси.

– Конечно, – успокоил ее Гарри. – Почему бы и нет? А хотя бы и нельзя, что они с нами сделают? Мы же еще не военные. Нас даже нельзя отдать под трибунал.

– Верно. Зато, вероятно, можно выбросить в космос через воздушный шлюз, – предположила Джесси.

– Не говорите глупостей, – возмутился Гарри. – Поступить так означало бы потратить зря огромное количество хорошего воздуха.

Гарри привел нас на обсервационную палубу в колониальной части корабля. Действительно, хотя никто не запрещал нам заходить на территорию колониальщиков, но никто ни разу и не сказал, что мы можем здесь бывать. Сейчас мы всемером стояли на безлюдной палубе и были заметны, как кучка школьников средних классов на закрытом просмотре порнофильма.

Таковыми мы в некотором смысле и являлись.

– Во время наших сегодняшних спортивных развлечений я перекинулся несколькими словами с одним из колониальных деятелей, – поведал Гарри, – и он, между прочим, сказал, что «Генри Гудзон» совершит скачок сегодня в пятнадцать тридцать пять. Я прикинул, что, скорее всего, никто из нас никогда не видел, что же именно представляет собой

скачок, и спросил его, куда можно было бы пойти, чтобы все хорошо посмотреть. Он посоветовал прийти сюда. Ну, вот мы здесь. И, – Гарри посмотрел на свою ЭЗК, – у нас остается еще четыре минуты.

– Простите, – сконфузился Томас. – Я совершенно не собирался никого задерживать. Феттучини было превосходным, но мой кишечник не смог справиться с ним с одного раза.

– Прошу вас, Томас, впредь постарайтесь не обременять нас подобной информацией, – взмолилась Сьюзен. – Мы все же не настолько близко знакомы.

– Да, но как же еще мы сможем познакомиться поближе? Никто не удосужился ему ответить.

– Кто-нибудь знает, где мы находимся в данный момент? Я имею в виду, в какой части пространства? – спросил я через несколько секунд молчания.

– Все еще в Солнечной системе, – ответил Алан и указал в окно. – Это совершенно точно, потому что мы видим знакомые созвездия. Вот, смотрите, это Орион. Если бы мы переместились на достаточно заметное расстояние, звезды изменили бы свое относительное положение в небе. Созвездия изменили бы свои очертания или же вообще изменились бы до неузнаваемости.

– А куда мы должны скакнуть? – поинтересовалась Джесси.

– В систему Феникса, – ответил Алан. – Но вам это ничего

не скажет, потому что Феникс – это название даже не звезды, а планеты. Существует созвездие Феникс, мы его сейчас видим, вот оно, – он показал кучку звезд за окном, – но планета Феникс не имеет отношения ни к одной из звезд этого созвездия. Если я правильно помню, она вообще находится в созвездии Волка, это намного севернее, – он указал на другой, не столь яркий участок неба, – но нужную звезду мы отсюда не увидим.

– Вы так хорошо знаете созвездия, – восхитилась Джесси.

– Благодарю, – наклонил голову Алан. – В молодости я даже хотел стать астрономом, но слишком уж мало им платят. Поэтому я решил стать физиком-теоретиком.

– А что, выдумывание новых элементарных частиц приносит хорошие деньги? – удивился Томас.

– Конечно нет, – признался Алан. – Но я разработал теорию, позволившую компании, в которой я трудился, создать новую систему энергосбережения для военно-морских судов. У нас для поощрения сотрудников практиковался принцип разделения прибылей, и мне достался один процент. Чтобы было понятнее – намного больше денег, чем я смог израсходовать в течение жизни. А я, можете мне поверить, очень старался.

– Наверно, хорошо быть богатым, – мечтательно произнесла Сьюзен.

– Это было не так уж плохо, – признался Алан. – Конечно, теперь я уже не богат. Когда подписываешь контракт,

теряешь все. И не только деньги, но и все остальное. Примерно через минуту станет ясно, что все усилия, которые я в свое время потратил на запоминание созвездий, окажутся напрасными. Там, куда мы направляемся, нет ни Ориона, ни Малой Медведицы, ни Кассиопеи. Это может показаться глупым, но не исключено, что созвездий мне будет не хватать гораздо сильнее, чем денег. Деньги, в общем-то, можно сделать всегда. Но сюда мы уже больше никогда не вернемся. Так что я в последний раз вижу этих моих старых друзей.

Сьюзен шагнула вперед и взяла Алана под руку. Гарри, насупившись, смотрел на экран своей ЭЗК.

– Ну вот, сейчас, – сказал он и начал обратный отсчет. Когда он дошел до единицы, мы все уставились в окно.

В событии не было ровно никакого драматизма. Только что мы смотрели на одно звездное небо, в следующую секунду – на другое. Стоило моргнуть – и ты не заметил бы самого момента изменения. И все же сразу было видно, что это чужое небо. Ни у кого из нас, естественно, не было глубоких познаний Алана по части созвездий, но большинство способно найти в звездной толчее хотя бы пояс Ориона и ковш Большой Медведицы. И вот их больше не было – различие, возможно, эфемерное, но при этом весьма существенное. Я оглянулся на Алана. Он стоял, застыв как столб, под руку со Сьюзен.

– Мы поворачиваем, – заметил Томас. Все ясно видели, как звезды начали смещаться против часовой стрелки, а это

означало, что «Генри Гудзон» изменил курс. Внезапно над нами показалась синяя громадина планеты Феникс. А над нею (или под нею, если смотреть нашими глазами) находилась космическая станция, настолько большая, настолько массивная и настолько деятельная, что мы уставились на нее как зачарованные.

В конце концов молчание было нарушено. Ко всеобщему удивлению, это оказалась Мэгги.

– На это стоит посмотреть, – сказала она.

Все повернулись к ней, и Мэгги смутилась.

– Я вовсе не немая, – сказала она. – Я просто не люблю много говорить. Но это заслуживает хоть какого-то комментария.

– Да, это не шутки, – согласился Томас, вновь переведя взгляд на космическое сооружение. Рядом с этой штукой колониальная станция кажется жалкой, словно лужица блевотины.

– Сколько кораблей вы видите? – спросила меня Джесси.

– Не знаю, – ответил я. – Десятки. Может быть, даже сотни – не хочу считать. Я даже не думал, что такое количество звездолетов вообще может существовать.

– Если кто-нибудь из нас все еще считает Землю центром человеческой Вселенной, – сказал Гарри, – то сейчас самое время пересмотреть эту теорию.

Мы стояли и смотрели в огромное окно на наш новый мир.

Моя ЭЗК зазвучала в 5.45, что было странно, поскольку я собственноручно набрал приказ разбудить меня ровно в шесть. Экран светился, и на нем имелось сообщение с пометкой «СРОЧНО». Я пробежал послание глазами:

ИЗВЕЩЕНИЕ

В промежутке с 6.00 до 12.00 мы будем проводить завершающую процедуру из цикла физического усовершенствования для всех новобранцев. Для гарантированного соблюдения графика все новобранцы обязаны оставаться в своих каютах до тех пор, пока официальные представители колониального персонала не явятся, чтобы проводить каждого в помещения, предназначенные для проведения процедур. Чтобы обеспечить запланированный ход работ, начиная с 6.00 двери всех кают будут заблокированы. Будьте любезны использовать оставшееся в вашем распоряжении время для того, чтобы завершить все ваши персональные дела, требующие посещения туалетных комнат и других помещений, находящихся за пределами каюты. Если после 6.00 вам потребуется воспользоваться туалетной комнатой, свяжитесь с представителем колониального персонала на вашей палубе через ЭЗК.

Вы получите уведомление за пятнадцать минут до назначенного для вас срока. Просим быть одетыми и готовыми к тому моменту, когда сопровождающие из

числа колониального персонала постучат в вашу дверь. Завтрака сегодня не будет. Ланч и обед состоятся в обычное время.

Человеку моего возраста не требуется дважды напоминать о том, что с утра нужно помочиться. Я поспешил в уборную, чтобы завершить свои персональные дела (пользуясь эвфемизмами колониальщиков). После этого мне оставалось лишь надеяться, что моя фамилия стоит не слишком близко к концу расписания: совершенно не хотелось обращаться к надсмотрщикам с просьбой, чтобы меня вывели по нужде.

Мое время оказалось не слишком поздним и не слишком ранним. Ровно в девять часов ЭЗК предупредила о том, что надо собираться. А в 9.15 в дверь резко постучали, и мужской голос назвал мое имя. Почти сразу же дверь открылась – за ней оказались двое колониальщиков. Они милостиво разрешили мне быстро посетить уборную, и мы направились с нашей палубы в знакомую мне комнату ожидания доктора Расселла. Через некоторое время мне разрешили войти в кабинет.

– Мистер Перри, рад снова видеть вас, – заявил доктор, протягивая мне руку.

Сопровождавшие меня колониальщики вышли через дальнюю дверь.

– Будьте любезны подойти к боксу.

– Когда я побывал там в прошлый раз, вы вколотили мне в голову несколько тысяч гвоздей. Поэтому я не испытываю

слишком сильного восторга при мысли о том, что мне снова придется лезть в этот гроб.

– Я вас понимаю, – ответил доктор Расселл. – Однако сегодня боли не будет. К тому же мы располагаем довольно ограниченным временем, так что... – Он направился к саркофагу.

– Если я почувствую хотя бы укол, то, смотрите, поколочу, – предупредил я, неохотно забираясь внутрь.

– Пожалуй, справедливо, – безмятежно отозвался доктор Расселл, закрывая за мной дверь.

Я, впрочем, заметил, что, в отличие от прошлого раза, он защелкнул замок. Не исключено, что моя угроза была воспринята всерьез. Ну и хорошо.

– Скажите, мистер Перри, – продолжил доктор, покончив с дверцей, – что вы думаете о нескольких последних днях?

– Они были странными и не слишком приятными, – честно сознался я. – Если бы я знал, что со мной будут обходиться как со слабоумным дошкольником, то, возможно, не стал бы подписывать контракт.

– Очень многие думают точно так же, как вы, – ответил доктор Расселл. – Поэтому позвольте мне вкратце объяснить вам, что и зачем мы делали. Датчики в вашу голову мы поместили по двум причинам. Во-первых, как вы, вероятно, догадались, для изучения вашей мозговой деятельности во время выполнения вами тех или иных основных функций и отслеживания переживаний ряда первичных эмоций. У всех

людей мозг обрабатывает информацию и опыт более или менее одинаково, однако каждый человек использует некоторые совершенно уникальные методы и процессы. В качестве аналогии: у всех людей на руках по пять пальцев, но пальцы каждого имеют свои, строго индивидуальные отпечатки. Вот мы и старались сделать, если можно так выразиться, индивидуальный отпечаток вашего умственного «пальца». Вы понимаете, о чем я говорю?

Я кивнул.

– Прекрасно. Значит, теперь вам ясно, для чего мы на протяжении двух дней заставляли вас делать всякие смешные и глупые вещи.

– Вроде беседы с обнаженной красоткой о том, как проходил праздник по поводу моего седьмого дня рождения, – заметил я.

– Этот тест дал нам много по-настоящему полезной информации, – веско сказал доктор Расселл.

– Не могу понять какой.

– Это скорее технические сведения, – уклонился Расселл от ответа. – Как бы там ни было, за минувшие два дня мы получили достаточно полное представление о том, как ваш мозг использует нейронные связи и воспринимает разнообразные стимулы. И эту информацию мы можем использовать в качестве шаблона.

Прежде чем я смог спросить: «Шаблона чего?» – доктор Расселл продолжил свой монолог:

– Во-вторых, работа датчиков не ограничивалась только записью работы мозга. Они способны также транслировать в реальном масштабе времени точный ход процессов, происходящих в голове. Выражаясь по-другому, датчики запечатлели работу вашего сознания. Это важно, потому что, в отличие от определенных умственных процессов, сознание нельзя законсервировать. Для перемещения оно должно быть живым.

– Перемещения?

– Именно.

– Вы не обидитесь, если я спрошу, о какой такой чертовщине вы говорите?

Доктор Расселл улыбнулся.

– Мистер Перри, когда вы подписали контракт о вступлении в армию, вы же думали, что мы возвратим вам молодость, верно?

– Да, – согласился я. – И все так думали. Ведь нельзя же вести войну силами армии стариков. Вы должны иметь какой-то способ снова делать их молодыми.

– И как, по вашему мнению, мы это делаем? – поинтересовался доктор Расселл.

– Не знаю, – честно сказал я. – Генная терапия. Клонированные запасные части. Наверно, вы каким-то образом вынете из меня старые детали и поставите вместо них новые.

– Вы частично правы. Мы действительно прибегаем к генной терапии и используем клоны для замены. Но мы не за-

меняем ничего, кроме вас.

– Я вас не понимаю, – занервничал я: стало очень холодно и возникло ощущение, будто реальность, как коврик, выдергивают у меня из-под ног.

– Ваше тело старое, мистер Перри. Оно действительно дряхлое и не сможет проработать сколько-нибудь долго. Нет никакого смысла сохранять его или модифицировать. Оно не из тех вещей, которые по мере старения превращаются из рухляди в антиквариат, и не имеет таких частей, замена которых позволяла бы ему работать как новенькому. Когда человеческое тело стареет, оно стареет все целиком. И поэтому мы намерены избавиться от него. От всего целиком. Единственное, что мы собираемся сохранить – единственная часть вашего существа, которая не делается хуже в процессе старения, – ваш разум, ваше сознание, то, что называется вашим «я».

Доктор Расселл шагнул к дальней двери, в которую вышли два колониальщика, коротко постучал и повернулся ко мне.

– Посмотрите хорошенько на свое тело, мистер Перри, – сказал он, – потому что сейчас вам предстоит с ним попрощаться. Вы переселитесь в другое место.

– Куда же я переселюсь, доктор Расселл? – заплетающимся языком спросил я. Во рту у меня стало так сухо, что я с трудом мог говорить.

– А вот сюда, – ответил он и открыл дверь.

Из двери появилась та же пара колониальщиков, что до-

ставила меня в кабинет. Один из них толкал перед собой инвалидное кресло, в котором кто-то сидел. Я вытянул шею, чтобы посмотреть. И меня затрясло.

Это был я сам.

Только пятьдесят лет назад.

– А теперь мне нужно, чтобы вы расслабились, – сказал доктор Расселл.

Колониальщики подвезли младшего меня ко второму саркофагу и теперь запихивали тело туда. Оно (или он, или я – впрочем, не важно) не оказывало никакого сопротивления; с тем же успехом можно было предположить, что они возятся с больным, находящимся в коме. Или с трупом. Я был зачарован тем, что видел. И страшно испуган. Негромкий, слабенький голос в глубине моего мозга сказал, что я очень правильно поступил, что побывал в уборной перед тем, как явился сюда, а не то обязательно намочил бы штаны.

– Как... – начал было я и осекся. Во рту пересохло – я не мог произнести ни слова.

Доктор Расселл что-то тихо сказал одному из своих помощников, тот выскочил и тут же вернулся со стаканом воды. Врач поднес стакан к моим губам, что было очень хорошо, поскольку я сам вряд ли удержал бы его. Пока я пил, доктор говорил.

– Слово «как» обычно входит в состав одного из двух вопросов, – сказал он. – Первый: «Каким образом вам удалось сделать этот молодой вариант меня?» Ответ будет следующим: десять лет назад мы взяли генетический образец и использовали его, чтобы изготовить вам новое тело.

Он убрал стакан.

– Клон, – выговорил я наконец.

– Нет, – ответил доктор Расселл. – Не совсем так. Ваша ДНК подверглась очень серьезной модификации. Вы с первого взгляда сможете заметить самое очевидное различие: цвет кожи вашего нового тела.

Я снова повернул голову и понял, что под воздействием шока при виде омоложенного себя не заметил этого действительно бросающегося в глаза отличия.

– Он зеленый, – оторопел я.

– Вы хотите сказать: «Я зеленый», – поправил доктор Расселл. – Точнее, будете таким минут через пять. Это один распространенный вопрос, начинающийся с «как». Второй: «Как вы пересадите меня туда?» И на это есть ответ: мы переселим ваше сознание.

– Как? – беспомощно спросил я.

– Мы возьмем характеристику вашей мозговой деятельности, снятую при помощи датчиков, и передадим ее – и вас самого вместе с ней – вон туда, – с готовностью объяснил доктор. – Мы взяли информацию, собранную за два минувших дня, и использовали ее для подготовки вашего нового мозга к приему вашего сознания, поэтому, когда мы переселим вас в новое тело, все покажется вам хорошо знакомым. Я, естественно, излагаю сильно упрощенную версию происходящего. На самом деле все значительно сложнее. Но это произойдет прямо сейчас. Так что давайте подключим вас.

Расселл протянул руку и начал поворачивать манипулятор саркофага к моей голове. Я дернулся.

– Сейчас мы ничего не будем внедрять в ваш организм, мистер Перри. Вместо инъекторной головки здесь стоит усилитель сигнала. Вам совершенно нечего бояться.

– Извините, – пробормотал я, возвращаясь в прежнее положение.

– Ничего, ничего, – отозвался доктор Расселл, надвигая чашу мне на голову. – Вы ведете себя куда лучше, чем большинство наших подопечных. Парень, сидевший здесь перед вами, визжал как свинья и в конце концов упал в обморок. Нам так и пришлось пересаживать его в бесчувственном состоянии. С минуты на минуту он придет в себя – молодой, зеленый и очень-очень напуганный. Можете мне поверить, вы просто прелесть.

Я улыбнулся и посмотрел на тело, которое должно было вскоре стать мною.

– А где его шапочка?

– Она ему не нужна. – Доктор склонился к своей ЭЗК. – Я ведь уже сказал вам: это тело сильно модифицировано.

– Звучит довольно пугающе.

– Как только вы окажетесь в нем, то сразу заговорите по-другому. – Расселл закончил работать с ЭЗК и снова повернулся ко мне: – Что ж, мы готовы. Позвольте, я скажу вам, что будет происходить дальше.

– Прошу вас, – светски отозвался я.

Он повернул ЭЗК ко мне.

— Когда я нажму эту кнопку, — указал врач, — все ваши датчики начнут транслировать вашу мозговую активность в усилитель. После поступления достаточно большой порции информации я соединю этот бокс со специализированным компьютерным банком. Одновременно аналогичная связь будет установлена с вашим новым мозгом. Как только наличие связи получит подтверждение, мы перешлем ваше сознание в ваш новый мозг. Когда же он возьмет на себя выполнение мыслительных процессов, мы разорвем связь, и вы окажетесь в новом мозгу и новом теле. Есть какие-нибудь вопросы?

— А при проведении этой процедуры бывают неудачи?

— Я ждал этого вопроса, — вздохнул доктор Расселл. — Ответ: да. В отдельных случаях что-то может пойти не так, как надо. Однако такое случается чрезвычайно редко. Я занимаюсь этим уже двадцать лет, совершил тысячи перемещений и потерял рабочий объект лишь однажды. У женщины прямо в процессе передачи случилось обширное кровоизлияние в мозг. Параметры мозговой деятельности стали хаотическими, и сознание не переместилось. Во всех остальных случаях все прошло успешно.

— Значит, я буду жить до тех пор, пока не умру, — констатировал я.

— Интересное истолкование. Впрочем, да, вы совершенно правы.

– А как вы узнаете, что сознание переместилось?

– Мы узнаем через вот это, – доктор Расселл ткнул в свою ЭЗК, – и еще потому, что вы нам об этом скажете. Поверьте, когда все произойдет, вы будете знать об этом наверняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.